Очаровательная скромница

Автор:
Джулия Лонг

Очаровательная скромница

Джулия Энн Лонг

Пеннироийал-Грин #6

Джулиан Спенсер, маркиз Драйден, – циничный аристократ, для которого даже невеста – красавица Лизбет Редмонд – всего лишь богатая наследница, чье приданое позволит ему восстановить растраченное фамильное состояние.

Однако то, чего не удалось сделать знатной леди, оказалось вполне под силу бедной гувернантке Фебе Вейл. Каждый взгляд этой совершенно обычной девушки буквально ниспровергает Джулиана в пучину страсти – безумной, неистовой и неодолимой страсти, способной погубить их обоих…

Джулия Энн Лонг

Очаровательная скромница

Julie Anne Long

HOW THE MARQUESS WAS WON

Печатается с разрешения издательства Julie Anne Long c/o The Axelord Agency и литературного агентства Andrew Numberg.

Серия «Очарование» основана в 1996 году

© Julie Anne Long, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Клиент, стоящий в пабе «Свинья и свисток» – зрелище вполне привычное. Нет ничего необычного и в том, что входная дверь время от времени с грохотом ударяется о стену. В конце концов, большое количество эля оказывает на мужчину определенное действие – вдруг в нем просыпаются кураж и желание плотских утех.

Поэтому, когда дверь в очередной раз грохнула о стену, никто не обратил на это особого внимания. Разговоры за столами не прервались, а дротики продолжали вонзаться в мишень. Как всегда выигрывал Джонатан Редмонд.

Но Колин опять разглагольствовал о коровах, а Чейз Эверси, сидя лицом к двери, принялся рассматривать человека, остановившегося в дверях.

Ветер, дувший с улицы, трепал полы его пальто. Высокие сапоги его были покрыты грязью. Зачесанные назад темные волосы открывали высокий бледный лоб, на котором Чейз разглядел уже поблекший синяк.

Незнакомец слегка пошатнулся и нахмурился, словно не понимая, как здесь оказался. Он медленно обвел мутным взглядом собравшихся, потом его рука скользнула во внутренний карман пальто…

Чейз замер. Он инстинктивно сунул руку в карман и стиснул холодную рукоять пистолета, не сводя напряженного взгляда с незнакомца.

Вдруг мужчина запрокинул голову и рухнул на колени.

– Колин! – выдохнул Чейз.

Едва не столкнувшись с приятелем, он перепрыгнул через видавший виды стол и бросился к незнакомцу.

Колин устремился следом, а за ним и Нед Хоторн. Действуя весьма сноровисто, они ловко подхватили мужчину и уволокли его в кладовую за буфетной стойкой, словно это был мешок картошки. Все же бесчувственный клиент – это плохо для репутации заведения.

Если кто и обратил на это внимание, то, вероятно, решил, что это в «Свинье и свистке» – тоже обычное дело.

Приятели закрыли за собой дверь, опустили незнакомца на койку, стоящую здесь для пьющих до бесчувствия клиентов, и осторожно сняли с него пальто. Чейз и Колин когда-то воевали и умели обращаться с ранеными.

– Вы можете говорить? – спросил Колин, аккуратно складывая пальто. Старая военная привычка к порядку стала неискоренимой. Он передал пальто Чейзу, который с удивлением отметил высокое качество ткани.

– Да, – едва выговорил мужчина и глухо застонал.

Потом он открыл глаза. Они были цвета выдержанного бренди, лицо отличалось благородством и правильностью черт и казалось странно знакомым.

– Я – капитан Чейз Эверси. – Он обернулся к Колину, и тот понял, что брату нужен нож.

– Эверси. Слава богу. – Голос раненого был хриплым, но разборчивым. – Не Редмонд.

– Как интересно. Такое мы слышим нечасто, – усмехнулся Чейз. – Я тоже благодарю бога за это, можно сказать, каждый день. Но назовите себя, кто вы?

Мгновение помедлив, мужчина сказал:

– Драйден.

Колин и Чейз обменялись многозначительными взглядами. Боже правый, лорд Айсберг собственной персоной! Джулиан Спенсер, маркиз Драйден.

– Пуля? Нож? – они уложили маркиза поудобнее, Колин стал снимать с раненого сапоги. А Чейз разрезал рубашку, чтобы увидеть рану.

– Пуля.

И снова мучительный стон.

Это действительно была пуля. Она попала в плечо. Быстро и тщательно осмотрев рану, Чарльз убедился, что пуля засела неглубоко. – И слава богу. Значит, они смогут ее можно достать. Вокруг раны уже запеклась кровь.

– Кто в вас стрелял?

Драйден дышал хрипло и часто.

– Там была женщина, понимаете… пожалуйста, скажите ей…

– В вас стреляла женщина? – подал голос Колин.

Раздался негромкий стук, и дверь приоткрылась. Нед Хоторн передал Колину бренди и тряпки.

– Послал за доктором, – сообщил он, – если он вам, парни, понадобится.

И снова скрылся за дверью. Его семья владела «Свиньей и свистком» уже несколько веков, и маркиз был далеко не первым, чья кровь впиталась в пыль на пороге паба.

– Мы попробуем достать пулю, Драйден, так что выпейте это. – Чейз передал раненому фляжку с виски.

– Я не… – Раненый сделал несколько глотков, поморщился от боли и одобрительно покосился на флягу, – люблю ее, заметьте…

– Нет? – Пока брат рвал тряпки на бинты, Колин взял руку бедняги и нащупал пульс. Он был сильный и ровный, так что все оказалось не так плохо.

– Вам повезло, Драйден. Вероятно, мы сможем достать пулю и рану не придется зашивать. Но в ближайшем будущем вы вряд ли сможете танцевать рил. Откуда, черт побери, у вас эти ссадины на груди? И синяк на лбу?

– Ненавижу рил, – сообщил через несколько секунд Драйден, проигнорировав остальные вопросы. – Предпочитаю вальс. – Его голос был тихим, язык слегка заплетался. Боль и виски делали свое дело.

– Вот и хорошо. Пейте.

Он сделал еще несколько больших глотков.

– Она даже не хорошенькая… – Маркиз, судя по всему, непременно хотел что-то объяснить своим спасителям.

«Лихорадка?» – Колин взглянул на Чейза, беззвучно шевеля губами.

«Любовь», – ухмылкой ответил Чейз, тоже не издав ни звука.

– Хотя, красивая, – мрачно проговорил Драйден. – Черт бы побрал ее глаза.

– Правда? – переспросил Колин, поддерживая разговор.

– Да, но она такая… – Маркиз покачал головой и поморщился. – У нее… – Он поднес руку к лицу, силясь что-то показать. Но так и не смог найти слов для ее описания.

– Нос? – предположил Колин. – Родинка? Третий глаз?

Чейз нахмурился и взглядом предложил брату придержать язык.

– У вас уже бывали огнестрельные ранения, Драйден?

– Нет. Хотя было одно штыковое.

– Думаю, это вам понравится не больше.

Мужчины невесело усмехнулись.

– Даже не могу себе представить почему. – Драйден сделал еще один глоток.

– Я почищу рану, а потом… мы сделаем все остальное. Не сомневайтесь, я уже занимался этим раньше. Вы можете потерять сознание, но, поверьте, мы не тронем ваших карманов, если это произойдет. Закройте глаза, если хотите.

Драйден покачал головой. Теперь его дыхание стало частым и поверхностным.

– Не хочу. Все равно я вижу только ее.

Это было так откровенно и настолько не соответствовало моменту, что братья Эверси на мгновение замерли. И в недоумении уставились на лежащего перед ними лорда Айсберга. И все же он закрыл глаза.

– Она меня не любит, – тихо прошептал он.

Это прозвучало, как дополнение к предыдущему утверждению. Если ему предстояло умереть, не хотелось бы, чтобы это были его последние слова.

Чейз секунду колебался.

– Приведи Адама, – тихо приказал он брату.

Колин искренне удивился. Обещать раненому, что с ним все будет хорошо, при этом посылать за викарием, коим являлся их кузен Адам – как-то нелогично. Но когда Чейз Эверси отдавал приказы, никто не осмеливался ему возражать.

Привычка, как всегда, возобладала. Колин покосился на брата, кивнул и отправился выполнять распоряжение.

Глава 2

Шестью неделями ранее

Феба Вейл распахнула дверь в магазин аксессуаров для женщин и, войдя внутрь, тут же навалилась на нее всем телом, чтобы преодолеть напор ветра и закрыть ее. Дверной колокольчик отчаянно зазвенел.

Она замерла на пороге, наслаждаясь великолепным зрелищем. Магазин Постлетуэйта в Пеннироял-Грин считался местной пещерой Алладина. Здесь все сверкало и переливалось многоцветьем красок: повсюду были расставлены коробки с костяными и серебряными пуговицами, атласными бантами и батистовыми платками. В витринах притягивали взгляд кружевные веера и меховые муфты, мотки атласных лент и шелковых ниток. На прилавке были разложены тонкие, как лепестки роз, лайковые перчатки. Китайские шелковые шали и элегантные шерстяные капоры так и манили к себе. А в углу на полках были выставлены всевозможные шляпки – потрясающе красивые, очень-очень модные и безумно дорогие. Они чинно стояли в ряд, словно сплетницы-аристократки.

Одна шляпка была особенной, удивительной, неповторимой, при одном только взгляде на нее у Фебы трепетало сердце.

Феба очень обрадовалась – предмет ее грез все еще здесь, его никто не купил!

Но, собрав в кулак всю свою волю, она повернулась к шляпке спиной. Фебе казалось, что она чувствовала ее присутствие, словно восторженный взгляд влюбленного поклонника.

– Добрый день, мисс Вейл. Судя по всему, вы всю дорогу бежали? – приветливо спросил мистер Постлетуэйт. – А я как раз разбираю почту.

– Вы же знаете, Постлетуэйт, папа не разрешает нам пользоваться экипажем, пока не восстановят позолоту на гербе.

– Но ведь можно было бы взять карету без фамильного герба, разве нет? И тогда никто не узнает, где вы бываете.

– Только вы меня понимаете, Постлетуэйт, больше никто. Между нами всегда единодушие.

– А когда вы выйдете за меня замуж, девочка, мы будем жить в абсолютном согласии.

– Всему свое время, Постлетуэйт. Я же должна насладиться своей молодостью.

Они улыбнулись друг другу. Оба знали, что единственное, чем наслаждается Феба, это собственными платьями, которые по несколько раз перешивает и даже перелицовывает – распарывает все швы и переворачивает ткань другой стороной, чтобы подольше поносить. Да и Постлетуэйт был старше ее на четверть века, если не больше, и к тому же абсолютно лыс, если не считать небольшой полоски волос в форме подковы на затылке.

– Сегодня ветрено, – лениво проговорила Феба.

Постлетуэйт бросил на нее внимательный взгляд сквозь очки, но почти сразу опустил глаза и продолжил разбирать почту.

– Никогда бы не догадался, – пробормотал он.

Феба хмыкнула. Она положила руки на прилавок и заглянула в висящее над ним зеркало. Да, действительно, по ней и так все было видно – щеки разрумянились, глаза блестят, светлые волосы выбились из-под шляпки и торчат в разные стороны.

– У меня есть для вас лондонские газеты, мисс Вейл. Здесь много пишут о моем сопернике в борьбе за вашу руку и сердце.

– Это лорд Айсберг? – спросила девушка с деланым возмущением. А ее сердце забилось чаще. – Что он сделал на этот раз?

– Поставил десять тысяч фунтов на скачках… и выиграл.

Феба презрительно фыркнула.

– Этот человек делает все, чтобы привлечь к себе внимание.

– И еще здесь сказано, что он купил перчатки в магазине «Титвейлер и сыновья» в Берлингтонском пассаже. И теперь все высшее общество считает своим долгом тоже покупать там перчатки. А они стоят сто фунтов.

– Думаю, все высшее общество станет прыгать с Лондонского моста, если маркиз покажет пример. Причем он упадет на телегу с пуховыми перинами, а другие разобьются насмерть.

В обществе действительно поднялась большая суматоха, когда маркиз приобрел четырех вороных коней в белых чулках для своего ландо. Какое-то время на аукционе в «Таттерсоллз» цена на вороных лошадей оставалась заоблачно высокой, и владельцам приходилось ставить охрану возле своих конюшен, поскольку их крали предприимчивые цыгане. Причем отсутствие белых чулок никого не останавливало – их всегда можно было нанести белой краской, после чего модных лошадей очень выгодно продавали.

Газеты были тайным пороком Фебы. Днем она учила непоседливых юных девиц латыни, греческому и французскому языкам и истории, а ночью перед сном читала светские сплетни. Она наслаждалась, упивалась ими, проглатывала, как в свое время проглотила сказки 1001 ночи, – и те и другие казались ей одинаково фантастическими, словно были частью другой вселенной. Из газет она, к примеру, узнала, что лорд Уотерберн прославился безумными пари, двойняшки Силверторн считаются самыми шикарными невестами общества, а Лизбет Редмонд, с которой она когда-то занималась, – это вообще бриллиант чистой воды.

Но больше всего ее воображение занимал лорд Айсберг – Джулиан Спенсер, маркиз Драйден. Она знала о нем все: он предпочитал одежду только черного и белого цветов, великолепно стрелял – в этом ему не было равных. Его интересовало только лучшее, уникальное, самое красивое – будь то перчатки, лошади или женщины. Говорили, что он неизменно прибегал к холодному расчету, когда речь идет о деньгах, выборе любовницы или расставании с ней. А еще ходили слухи, что он вот-вот займется поисками жены.

Он любил риск, сам участвовал в скачках, легко заключал пари на безумные суммы, и лондонские щеголи, тщетно старавшиеся за ним угнаться, нередко ломали шеи или теряли состояния.

А Драйден всегда выходил сухим из воды, и его доходы только увеличивались.

Все мужчины хотели быть похожими на лорда Драйдена.

И если верить газетам, все дамы мечтали быть с ним.

Постлетуэйт закончил разбирать почту.

– Два письма адресованы в академию, и оба вам, мисс Вейл.

– Что ж, одно из них, возможно, это очередное предложение от маркиза – он очень настойчив, хотя я ему уже неоднократно говорила, что помолвлена с вами. А другое – приглашение на очередной бал.

Постлетуэйт подался вперед.

– Что вы наденете на этот бал?

Они никогда не уставали от этой игры.

– Думаю, я надену бледно-желтое шелковое платье, кремовые лайковые перчатки и ожерелье – ну, помните, то, с маленькими бриллиантами. – Феба провела рукой по шее. – И диадему, конечно. Не самую лучшую, а ту, что попроще. Полагаю, буду выглядеть восхитительно. Хотя, не исключено, что я пошлю записку с извинениями и вообще никуда не поеду. Предыдущий бал был так скучен и… – Она понизила голос до таинственного шепота. – Я вам рассказывала, что случилось?

– Нет! – Постлетуэйт тоже заговорил тише.

– Так много молодых людей захотели танцевать со мной вальс, что двое из них повздорили. Один предложил другому выйти из зала и… боюсь, между ними была дуэль.

– Никогда не произносите этого слова!

– Но так и было! На рассвете они дрались на пистолетах, и один был ранен!

– Скандал!

– К несчастью, из-за меня часто льется кровь, – грустно сообщила девушка.

– Не могу сказать, что не понимаю дуэлянтов, мисс Вейл. Вы рождены, чтобы разбивать сердца.

– Сердца? Не зеркала?

Они понимающе ухмыльнулись друг другу. Ведь если Феба Вейл и была красавицей, ей об этом никто не удосужился сказать. Люди часто хвалили ее характер, который действительно был замечательным. А вальс она танцевала всего один раз в жизни – на вечеринке в здании городской ратуши Пеннироял-Грин – с прыщавым юнцом, который был или слишком застенчив, чтобы посмотреть ей в глаза, или слишком благодарен возможности созерцать соблазнительную ложбинку между грудей, и больше ни на что не обращал внимания.

Но мужчины действительно дрались из-за нее – на кулаках – и не единожды, за что она была склонна винить слишком крепкий эль в «Свинье и свистке». Мужчины Суссекса знали то, чего не могли выразить словами: им хотелось быть рядом с мисс Вейл так же, как с пылающим очагом холодной ночью. И дистанцию они соблюдали по той же причине. От нее летели искры.

Именно эти «искры» были по большей части причиной того, что она сохранила одну по-настоящему красивую вещь – пару удивительно тонких лайковых перчаток цвета густых сливок, отделанных золотой каймой. Это был подарок от одного смелого и не слишком привлекательного поклонника, который открыл ей, что, да, ей нравится целоваться, и, нет, она не удовлетворится обычным простым мужчиной. Одно время она начала подумывать, не влюбиться ли ей, но тут поклонник исчез. Феба поздравила себя с тем, что он не унес с собой ее сердце. Она уже давно знала, что не следует его никому отдавать. Ее опыт показал, что мужчины всегда в конце концов исчезают.

После этого ни один из молодых людей, с которыми она знакомилась, не сумел воспламенить ее воображение и растревожить душу. Причем она искренне считала, что ею руководит не высокомерие. Совсем наоборот, она совершает акт милосердия, отказываясь выходить замуж за очередного претендента, поскольку не сумеет сделать его счастливым.

Кроме того, ее судьба вовсе не здесь. Феба знала, что, по крайней мере, одно письмо содержит информацию о ее будущем.

Дверной колокольчик снова звякнул, и в магазин ввалились две хихикающие девицы. Первым делом они, как и Феба, приналегли на дверь и захлопнули ее, потом еще несколько секунд толкались и пересмеивались и наконец заметили мисс Вейл.

И застыли. Выйдя из ступора, они резко расправили плечи, выпрямились и широко раскрыли глаза, в которых застыло ангельски невинное выражение.

– Добрый день, мисс Раньон, мисс Кэрью, – ласково сказала Феба.

– Добрый день, мисс Вейл. – Ну чем не хор ангелов?

– Ждете каникул?

– Да, мисс Вейл.

– Поедете домой или останетесь с нами в академии?

– Домой, мисс Вейл. – И снова хором.

– Вы пришли, чтобы купить подарки близким?

– Да, мисс Вейл.

Мисс Раньон несколько раз попадалась на мелких магазинных кражах, и ее измученный отец поместил девочку в академию мисс Мариетт Эндикотт, когда ей исполнилось десять лет.

В таком же возрасте туда попала и Феба.

– Я покажу вам несколько очаровательных вещиц – все можно купить всего за полпенни – пуговицы, банты и все такое, – заверил девочек мистер Постлетуэйт с большой благосклонностью, словно они были изысканными леди. И он, и Феба знали, что именно такое отношение заставляет девочек действительно вести себя как леди. Фебе было отлично известно, как управляться с непослушными маленькими бунтарками – сама когда-то была такой.

Постлетуэйт вышел из-за прилавка и протянул Фебе два письма.

– Вы только взгляните на эту печать, мисс Вейл, – пробормотал он, взглядом указав на верхнее.

Он провел пальцем по печати и отдал письма.

Девушка увидела букву «R», вдавленную в красный воск.

Так!

Сгорая от любопытства, она отошла в сторону. И вовсе она не старалась оказаться поближе к вожделенной шляпке! В конце концов, любоваться ею можно и издалека – и вскрыла письмо. А мистер Постлетуэйт в это время помогал девочкам выбирать подарки.

«Моя дорогая мисс Вейл,

Надеюсь, вы пребываете в добром здравии и, как всегда успешно, превращаете невоспитанных грубиянок в изысканных юных леди. Прошу извинить необычность моей просьбы, но я была бы счастлива, если бы вы смогли присоединиться ко мне в Редмонд-Хаус, когда я туда приеду – на два дня, начиная с субботы. Мама и папа, как вам известно, сейчас в Италии, и мама считает, что у меня не будет во время этого визита надлежащей компаньонки или подруги. Моя кузина, мисс Вайолет, недавно стала графиней и, вероятнее всего, будет в Лондоне с супругом. Мама с радостью оплатит все ваши расходы. Тетя Редмонд тоже одобряет такое решение. Кроме того, у меня есть

потрясающая новость, которой я хотела бы с вами поделиться. Расскажу все при встрече. Прошу вас, приезжайте. Искренне ваша,

Лизбет Редмонд».

Так, так, так.

Феба одно время была учительницей Лизбет, племянницы Джосайи и Фаншетты Редмонд, кузины всех остальных Редмондов, живущих во Франции. Ее главной задачей было научить девочку французскому языку. Сама Феба свободно говорила на пяти языках и была опытной учительницей. Однако Лизбет категорически не желала учиться. Но во всем остальном она была милой и компанейской девушкой. Именно во время двухмесячного пребывания с Лизбет Феба узнала, что существует тонкий бледно-желтый атлас и диадемы. Оно же стало косвенной причиной того, что Фебу однажды поцеловал мужчина (знай об этом Редмонды, они бы ни за что ее не пригласили), равно как и ее решения покинуть страну.

Живя в такой семье, как Редмонды – а они были настоящей дружной семьей, – Феба особенно остро чувствовала отсутствие собственных фамильных корней – у нее не было дома, она никому не принадлежала, ее никто не ждал, и никому она не была нужна. А значит, у нее никогда не будет того, чем обладают Редмонды, даже не осознавая этого. Девушка поняла, что должна начать жизнь на новом месте, которое сама выберет, и больше не станет плыть по течению.

Но при этом лишние деньги ей не помешают. Не говоря уже об удовольствии провести ночь или две на пуховой перине, испробовать превосходную еду, подаваемую на серебре…

Она определенно обдумает приглашение.

Ей было известно, от кого второе письмо и что в нем сказано. Она прочитает его позже, когда останется одна в своей комнате в академии, и тоже как следует обдумает.

Феба заметила, что на письмо от Лизбет, которое она держала в руке, упала тень из окна, и подняла глаза. Странно. День был на удивление ясный. В небе не было видно ни единого облачка.

Она повернулась к окну и остолбенела.

Перед магазином остановилось огромное черное, словно вороново крыло ландо. Взгляд Фебы скользнул по золотому гербу на дверце и остановился на лошадях, одна из которых кокетливо дернула головой и стала постукивать копытом.

Лошадь была черной. В белых чулках.

Сердце Фебы забилось с удвоенной скоростью.

Матерь Божья! Вроде бы звякнул дверной колокольчик!

Феба очень осторожно повернулась. Если все это ей снится, пусть сон подольше не кончается.

Она увидела его, и в помещении стало меньше воздуха. У нее закружилась голова, словно она внезапно вознеслась на высокую гору. Мужчина был очень высок. Неожиданно все ленты, банты, перчатки, и даже вожделенная шляпка, показались вычурными декорациями, с незапамятных времен расставленными на сцене в ожидании его появления.

Мужчина обвел бесстрастным взглядом ленты, перчатки, шляпки, часы, девочек-учениц, сумочки, шали и Постлетуэйта – именно в такой последовательности. Его сюртук и ботинки были черными. Сорочка и галстук – белыми. А голос – с небольшой хрипотцой от курения – в точности таким, как она себе представляла.

– Драйден, – сказал мужчина.

Словно его имя было ответом на все самые важные жизненные вопросы.

Глава 3

Его голос гулким эхом прокатился по магазину.

Одна черная бровь слегка приподнялась. Она была безукоризненной формы.

Феба видела это в зеркале над прилавком. Мужчина стоял к ней спиной, и она имела возможность по достоинству оценить его потрясающую фигуру. Глядя на широкие плечи, узкую талию, мускулистые бедра, она как никогда остро почувствовала себя женщиной. Когда маркиз переступил с ноги на ногу, она физически ощутила, как плавно двигаются мускулы под его черной одеждой, которую он носил с такой же привычной грацией, как пантера – свою шкуру.

Ученицы Фебы застыли в углу как манекены. Их глаза стали круглыми, словно блюдца.

Постлетуэйт метнул на Фебу быстрый взгляд поверх очков. Она едва заметно кивнула. «Да, ни зрение, ни слух вас не обманывают».

– Мистер Постлетуэйт, к вашим услугам, милорд. – Он поклонился, причем с удивившей Фебу грацией, правда, когда выпрямился, она отчетливо услышала хруст суставов. – Вы оказали мне величайшую честь, посетив мое скромное заведение. Что я могу для вас сделать?

Феба попыталась рассмотреть перчатки маркиза, которые якобы стоили сотню фунтов, но он снял их и держал зажатыми в кулаке. Еще он снял шляпу и откинул с высокого лба темные волосы. Пляшущие огоньки свечей отражались в его начищенных сапогах ручной работы – по крайней мере, так писали в газетах.

Драйден держался необычайно прямо.

Маркиз или не заметил, что его разглядывают или ему было на это наплевать. Возможно, было бы удивительнее, если бы она его не рассматривала. Феба подумала, что харизма, которую он, несомненно, излучал, это своего рода отпечаток, оставленный бесчисленными взглядами за много лет.

– Я бы хотел увидеть вашу коллекцию шелковых вееров, мистер Постлетуэйт.

Его тон был удивительно дружелюбным. Но Феба расслышала в голосе стальные нотки. Он явно знал, какое впечатление производит на окружающих, и старался не пугать простолюдинов, чтобы те не замирали перед ним, как кролики перед

удавом. В конце концов, остолбеневшие люди не могут сделать то, что от них требуется.

Она и Постлетуэйт, разумеется, были теми самыми простолюдинами.

Ей стало жаль того, что ее долгая игра с Постлетуэйтом подошла к концу. При одном взгляде на маркиза было ясно, что он не может быть объектом игр или шуток.

Но на случай, что все происходящее ей все-таки снится, Феба не устояла перед желанием и ущипнула себя за руку.

Слишком поздно она поняла, что Драйден видит ее в зеркале.

Он обернулся.

Она почувствовала его взгляд, как удар в солнечное сплетение.

У него были высокие четко очерченные скулы, что почему-то делало взгляд еще более пристальным. Казалось, маркиз внимательно рассматривает нападающих через бойницу замковых стен. Глаза были цвета бренди… или чуть темнее. Лицо недоброе. И излучающее опасность.

Такое лицо невозможно оценить с одного взгляда.

Феба поднесла руку к лицу, словно хотела одним жестом превратиться в принцессу – прямо у него на глазах.

Маркиз снова отвернулся. Выражение его лица не изменилось.

Только тогда она смогла вновь дышать.

– Конечно, даже не сомневайтесь, милорд. – Голос Постлетуэйта звенел от радости. – У меня прекрасная коллекция шелковых вееров, от простых до самых изысканных. – Он указал на витрину в затененном углу магазина, куда никогда не проникало солнце, от которого яркие краски на шелке могли поблекнуть. – Надеюсь, вы найдете то, что вам понравится.

«Черта с два», – подумала Феба.

Постлетуэйт выскочил из-за прилавка и устремился к витрине.

– Могу я поинтересоваться, что привело вас в наш город, лорд Драйден?

– Меня пригласили на прием. – Феба никогда не слышала, чтобы слово «прием» произносили с такой иронией. – И еще я должен посетить легендарную академию мисс Эндикотт – я действую от имени своей племянницы.

Легендарную? Неужели? Выходит, племянница маркиза – проблемная девочка? А, может быть, он будет на приеме у Редмондов? Куда еще он мог приехать?

– Мисс Вейл преподает в академии, – проговорил Постлетуэйт, взглядом указав на Фебу. Маркиз покорно обернулся.

Воспользовавшись моментом, она продемонстрировала самый элегантный реверанс.

– Для меня большая честь познакомиться с вами, лорд Драйден. – Ее голос был тихим и нежным. По крайней мере, ей хотелось так думать.

Уголки его рта едва заметно приподнялась. Возможно, ширина его улыбки зависела от статуса особы, которой предназначалась.

– Мисс Вейл. – Он небрежно поклонился. – Я здесь, чтобы встретиться с хозяйкой академии – мисс Эндикотт.

При этом он отчетливо выделил слова «хозяйка» и «мисс Эндикотт». Вероятно, он настолько привык к исключительному вниманию и даже навязчивости женщин, что хотел помешать ей совершить всеобщую ошибку.

– Разумеется. – Феба слишком поздно услышала намек на иронию в его словах. – Конечно, вы встретитесь с самым важным лицом в академии.

Она могла бы поклясться, что в его глазах что-то сверкнуло – маленькая искорка мелькнула и исчезла. Хотя, возможно, в них отразилась богатая позолота герба на дверце экипажа.

Когда он отвернулся и проследовал за Постлетуэйтом к витрине с веерами, она решительно вздернула подбородок и грозно уставилась на замерших девочек.

Они почти сразу вернулись к жизни и синхронно присели в реверансе – очаровательное зрелище: два маленьких цветочка изящно склонились к земле. Маркиз одарил их полуулыбкой и небрежно поклонился. Феба предположила, что этот аристократический жест девочки запомнят на всю оставшуюся жизнь, а маркиз забудет через несколько секунд.

Когда он проходил мимо них, мисс Раньон схватила подругу за локоть, потом молча шлепнула себя ладонью по лбу и подогнула колени, имитируя потерю чувств.

Чтобы не рассмеяться, Феба окинула ее самым строгим взглядом, на который была способна, и движением подбородка отправила обеих к прилавку. Девочки поспешили повиноваться, но обе кусали губы, чтобы не хихикать.

– Прошу вас, выбирайте, милорд, – обратился Постлетуэйт к маркизу.

Феба сомневалась, что для этого Драйдену потребуется много времени.

Звякнул дверной колокольчик.

В магазин вошел очень большой мужчина. Он был светловолос и белокож, словно викинг, и необыкновенно массивен. Его фигура напоминала прямоугольник, в то время как фигура маркиза, если уж прибегать к геометрическим сравнениям – треугольник. Он снял шляпу, тряхнул головой и, сделав несколько шагов, остановился в центре помещения.

– Увидел твой экипаж, Драйден, – сообщил он. Его голос был тихим и невыразительным, словно человеку было смертельно скучно. Но, глядя на него, никто бы не усомнился, что это настоящий аристократ – до мозга костей.

Маркиз мельком взглянул через плечо.

– А, это ты, Уотерберн.

Фебе показалось, что маркиз подавил недовольный вздох. Интересно.

Это был виконт, известный своими непредсказуемыми ставками. Однажды он поставил пятьсот фунтов на гонках сверчков. По крайней мере, Феба читала об этом в колонке светских сплетен.

Уотерберн сделал еще шаг вперед, и его светлые глаза скользнули по лентам, шляпкам и сумочкам. Таким взглядом агенты с Боу-стрит выискивают следы преступления.

– Полагаю, мы приглашены на один прием.

– Я потрясен. – Голос маркиза был полон иронии.

Уотерберн усмехнулся.

Маркиз сосредоточенно разглядывал два веера, которые выбрал из коллекции Постлетуэйта. Такое же выражение Феба видела на лице Леоноры Херон, цыганки из табора, вставшего лагерем на окраине Пеннироял-Грин, когда та смотрела на карты Таро, которые раскинула для богатого клиента.

Неожиданно для самой себя Феба почувствовала жгучую зависть. Какая-то женщина, должно быть, очень дорога этому потрясающему мужчине, раз он с такой тщательностью выбирает подарок.

– Лорд Уотерберн. – Постлетуэйту пришлось опять кланяться. – Я к вашим услугам. Могу я предложить милордам чаю?

– Мне не надо, но спасибо за предложение, – быстро ответил маркиз.

Ленивый взгляд Уотерберна остановился на Фебе. Та сделала попытку улыбнуться и поклонилась. Он кивнул головой и отвернулся.

Ну, вот. Пожалуй, ее считают частью обстановки.

Ее ученицы шуршали пакетами, готовясь уходить.

– Всего хорошего, мисс Вейл. Желаем вам хорошо провести каникулы.

– Спасибо, юные леди. Я надеюсь, вы тоже хорошо отдохнете. Только, пожалуйста, не забудьте прочитать заданные вам главы из Марка Аврелия. Иначе у вас будут большие трудности после возвращения в школу.

– Конечно, мисс Вейл. Я жду не дождусь возможности начать увлекательное чтение! – вдохновенно соврала мисс Раньон.

Девочки вышли, сопровождаемые перезвоном колокольчика. Они впустили в магазин порыв ветра, который пошевелил ленты на шляпках и немногие оставшиеся волосы на голове Постлетуэйта. Потом дверь снова захлопнулась.

Феба бросила последний взгляд на шляпку, которая никогда не будет ей принадлежать, и аккуратно сложила письма, чтобы положить их в ридикюль и уйти.

Именно тогда светловолосый лорд вальяжно, словно галеон, подплыл к маркизу.

– Ставлю десять фунтов на то, что даже ты не сумеешь сорвать поцелуй у… la insegnante, Драйден.

Insegnante? Но ведь это по-итальянски «учительница».

Уотерберн указал подбородком в ее сторону.

Феба потрясенно застыла. «Он имеет в виду, что маркиз должен поцеловать меня?»

Она снова повернулась к шляпке, сделала вид, что рассматривает ленты цвета лаванды и прислушалась.

– Бога ради, Уотерберн. – Маркиз лениво поморщился. – Мне не нужен ни ее поцелуй, ни десять фунтов.

– Но ведь интересно! Взгляни, она совершенно не похожа на женщину, для которой поцелуи – обычное дело. Скорее наоборот, она и вовсе нецелованная. А ты, говорят, можешь получить от кого угодно все, что пожелаешь. А я считаю, что в данном случае, судя по положению вещей, ты не добьешься своего.

«По положению вещей? Каких еще вещей?» — у Фебы перехватило дыхание, и она так сильно сжала ленту, что побелели кончики пальцев.

Теперь маркиз говорил очень тихо.

– Не делай глупостей! Это не детская игра.

«Ох».

Она покраснела от злости и унижения. Вожделенная шляпка расплылась перед ее глазами.

Слух Постлетуэйта с возрастом стал хуже, поэтому он ничего не услышал. Он с большим удовольствием пересчитывал только что полученные деньги и даже что-то напевал себе под нос.

– Я предлагаю тебе пари, Драйден. Все знают, что ты никогда не проигрываешь.

Феба боялась пошевелиться. Она затаила дыхание и старалась подавить эмоции. Ее еще никогда так не унижали. Она смотрела на шляпку, которую всей душой хотела получить, но никогда не получит, а мужчина, которого она так же безнадежно желала, даже мысли не допускает, что ее тоже можно целовать, и придирчиво выбирает подарок для другой женщины. После этого он сядет в свой шикарный экипаж и со всеми удобствами отправится в академию, а она снова будет бежать всю дорогу вверх по склону холма, отчаянно сражаясь с ветром, так и норовящим сорвать с головы ее старую шляпку.

«Проклятые аристократы».

Оказывается, они тоже смертны, и им не чуждо ребячество.

Маркиз выпрямился, и Феба опять отметила, что он неправдоподобно высок.

– Я выбираю этот, мистер Постлетуэйт. – Он выбрал красивый веер из шелка цвета слоновой кости, на котором были изображены нежно-розовые цветы, перевитые зелеными стеблями – без шипов – и лепестками. Изысканно.

Как и все, что касается Драйдена.

– Отличный выбор, милорд. – Постлетуэйт весь лучился желанием услужить.

На Фебу мужчины больше не смотрели.

– Спасибо за почту, Постлетуэйт, – сказала Феба, понадеявшись, что ее голос звучит достаточно приветливо. – Хорошего вам дня.

Она помахала рукой и вышла из магазина раньше, чем он успел ответить. Проходя мимо известного экипажа, она отвернулась, хотя очень хотелось его повнимательнее рассмотреть и полюбоваться восхитительной лошадью. Ежась от пронизывающего ветра, она завернула за угол. Дальше ее путь лежал вверх по склону холма. Неожиданно Феба подумала, что вся ее жизнь идет в точности так же: по склону горы против ветра.

Феба всегда находила прогулки вверх по холму придающими сил. Укрепляющими, не только физически, но и морально.

Вскоре ветер стер краску стыда с ее лица и вернул щекам здоровый румянец.

Глава 4

Сиденья его экипажа были обиты тонким плюшем – нежным, словно кожа его последней любовницы. Впрочем, когда Джулиан откинулся на спинку и закрыл глаза, его мысли были далеки от чувственных.

Да и последняя любовница пыталась убить его вазой.

Он расслабился, но забыть о своих заботах не мог, как ни старался. Он нанял опытных людей, которые работали на него, тревожились за него, управляли его собственностью и занимались инвестициями, но, тем не менее, постоянно был начеку. Его сон оставался чутким с семнадцати лет, когда его отец, разыграв финальное, в высшей степени зрелищное действо, позволил себя убить на дуэли из-за женщины, которая не была его женой. В обществе он заявил, что любил ее, а за любовь можно и умереть.

А всему этому предшествовали годы потерь – собственности, денег, положения – и все из-за азартных игр. Его отец был игроком.

Он оставил после себя долги, разрушенную репутацию и позор – все это Джулиану пришлось долго исправлять. Это были трудные годы, но молодой человек был умен, обладал стратегическим мышлением, отличался проницательностью, хладнокровием и решительностью. Он ни разу не сделал неверного шага. Постепенно он вернул семейную собственность, сколотил неплохой капитал, приобрел большую власть и влияние. Его положение казалось недосягаемым, а сам он – неприступным.

И если его отец был неудачником, подвластным непредсказуемым порывам и порокам, и к концу жизни, несмотря на древний титул, стал объектом насмешек, то смеяться над Джулианом Спенсером никто не осмеливался.

Он подумал о семье. В целом все было в порядке. Сестры удачно вышли замуж. Бывало, возникали разные трудности, и тогда Спенсер с легкостью решал все проблемы.

Вспомнил Джулиан и об Уотерберне. Как о таком забудешь? Этот человек – не главный раздражитель, зато вездесущий. Словно комар, если, конечно, светловолосого гиганта можно сравнить с комаром. Он так и не простил Джулиану, что тот завоевал благосклонность весьма аппетитной Карлотты Медины, или того, что всегда опережал его в школе, быстрее двигался по карьерной лестнице в армии, лучше стрелял и, если судить по светским сплетням, был лучшим любовником. Его холодность в общении, равно как и внешность, женщины считали неотразимой.

Оглядываясь назад, Джулиан мог признать, что победа не принесла ему ощутимой радости. Карлотта была настоящей тигрицей в постели, а в общем – особой, абсолютно неуправляемой. Безумной, как Шляпник, испорченной, требовательной, капризной и непостоянной. Не самое приятное воспоминание.

Хотя, признаться честно, он до сих пор иногда вспоминал ее акробатические пируэты в постели, и не без удовольствия.

«Женщины». Драйден задумчиво улыбнулся.

Неудивительно, что многие хотели бы оказаться на месте лорда Драйдена.

Ирония заключалась в том, что даже сам лорд Драйден не был истинным лордом Драйденом. И это тоже по большей части его устраивало.

Почти никто уже не помнил его отца.

Но Джосайя Редмонд помнил. Потому что не кто иной, как Джосайя, владел участком земли, который хотел получить Джулиан.

Должен был получить.

С годами Джулиан обрел проницательность и искусность шахматного мастера, тщательно оценивая расстановку сил в обществе и бизнесе, чтобы сделать правильный ход в нужный момент, ход, который принесет победу, позволит получить то, что ему необходимо.

Веер был частью игры. Джулиан провел пальцем по аккуратно упакованной вещице. Он знал, что это прекрасный подарок и подходящий предлог для начала новой кампании. Поэтому не мог не испытывать приятного удовлетворения.

Только одно препятствие стояло между ним и поместьем в Суссексе, которое было частью приданого его матери.

Возможно, Джулиан наконец отдохнет, когда его получит.

Он моргнул, закрыл глаза, отгородившись от проплывающих мимо пейзажей Суссекса, но не уснул.

Феба взбежала по лестнице в свою комнату, на ходу развязывая ленты шляпки, отшвырнула ее в сторону, рывком выдвинула стул и так быстро выхватила лист бумаги, что Харибда, ее пушистый полосатый кот, возмущенно мяукнул и вскочил. Шерсть на загривке вздыбилась. Убедившись, что его покой нарушила хозяйка, он зевнул и снова улегся на ее кровати.

Они оба были костлявые недокормленные и плохо воспитанные подростки, когда приехали сюда из Лондона. И оба стали утонченными, сытыми и благодарными за комфортную жизнь.

Но в душе оставались бунтарями и авантюристами.

Харибда был пушистым обманщиком. Он любил спать на спине, являя миру свой мягкий гладкий животик. Когда же ничего не подозревавшие гости невольно тянулись погладить кота, он в мгновение ока пробуждался и вцеплялся в руку визитера всеми имеющимися в его распоряжении когтями и зубами. Так бывало не единожды. Наглый котяра не стеснялся ставить хозяйку в неловкое положение. Хотя, конечно, это бывало забавно.

Зато он раз и навсегда отучил любопытных учениц заходить в ее комнату.

«Проклятые аристократы».

Феба обмакнула перо в чернила и начала писать:

«Дорогая Лизбет,

Прими мою глубочайшую благодарность за любезное приглашение и, хотя я была бы счастлива снова повидаться с тобой, боюсь, я не смогу…»

Ее прервал стук в дверь.

Девушка шумно вздохнула, едва не сдув листок со стола, резко встала, опрокинув стул, и открыла дверь.

Стоявшая на пороге служанка отшатнулась, глаза Фебы метали молнии.

Сделав над собой усилие, Феба постаралась успокоиться. Мэри Фрэнсис, невысокая пухленькая девица, примирительно улыбнулась. Так же, наверное, она улыбалась бы ночному грабителю, в надежде что он ее не тронет.

– Прошу меня простить, мисс Вейл, и извините, что прервала вашу работу… – Она с любопытством заглянула в комнату, скользнула взглядом по двум толстым половикам, кровати, покрытой ярким лоскутным покрывалом, которое Феба сама сшила из платьев и накидок, таких старых, что их уже невозможно было перешивать. – Но мисс Эндикотт хотела бы переговорить с вами до отъезда.

Феба сделала глубокий вдох, чтобы окончательно взять себя в руки. Полуграмотная деревенская девчонка была уверена, что все преподаватели в академии очень умные и постоянно занимаются важной работой. Это было, в общем, приятно, хотя и немного раздражало.

– Спасибо, Мэри Фрэнсис.

Она знала, что мисс Эндикотт собирается покинуть школу на каникулы, но оставляет академию на старших учителей – миссис Банкрофт и миссис Флигер.

Феба повернулась к зеркалу, висевшему над столом, и пригладила слегка растрепавшиеся волосы. Потом бросила беглый взгляд на платье, сочла свой вид приемлемым и вышла из комнаты. Девушка миновала длинный коридор, поднялась по винтовой лестнице, держась за гладкие перила, отполированные поколениями капризных юных леди и ею в том числе.

Дойдя до кабинета мисс Эндикотт, Феба чудом избежала столкновения с высокой черной фигурой.

Фигура медленно повернулась и оказалась маркизом Драйденом.

– А вот и вы, мисс Вейл, – мисс Эндикотт произнесла эти слова таким тоном, словно ожидала ее весь день. Она уже была одета в дорожный костюм – элегантное серое шерстяное платье, длинный плащ в тон ему и очень красивую меховую шляпку. На столе стояла дорожная сумка, на полу – саквояж.

– Я надеялась, что вы покажете маркизу хотя бы одну классную комнату на верхнем этаже, поскольку я должна немедленно уходить, чтобы не пропустить дилижанс и не опоздать на встречу с сестрой. Она ни за что не простит, сестра, я имею в виду, если я приеду на день позже, поскольку составила очень насыщенную программу развлечений на весь период моего пребывания у нее в гостях, – говоря это, мисс Эндикотт натянула перчатки. – Я полагаю, что его милости будет полезно поговорить с одной из наших учительниц. Маркиз упомянул, что уже имел удовольствие познакомиться с вами в магазине Постлетуэйта.

Глаза мисс Эндикотт были маленькие, голубые и проницательные. Она была одной из длинной череды тех мисс Мариетт Эндикотт, которые много лет управляли академией с мастерством генерала, искусностью дирижера симфонического оркестра и деловой хваткой, перед которой отступал даже Джосайя Редмонд. Хотя, на самом деле, она была очень доброй женщиной, и этот секрет рано или поздно становился известен всем ученицам академии.

Правда, чтобы выяснить это, им приходилось изрядно потрудиться.

Она была доброй, но не слабой. Пожалуй, лучше всего ей подходило определение «непреклонная».

За десять лет Феба привыкла к ее взгляду, но до сих пор не могла противостоять ему или лгать. А когда-то могла устоять против чего угодно.

Ее бросило в жар от наплыва самых противоречивых эмоций и ощущений.

– Конечно, – спокойно сказала Феба. – Мы имели… удовольствие.

Рука мисс Эндикотт, тянувшаяся к сумке, замерла, и она устремила на мисс Вейл внимательный взгляд. На ее лице явственно отразилось недоумение. Феба сделала реверанс, чуть повернувшись к маркизу. Он ответил поклоном.

При этом они даже не взглянули друг на друга.

На маркиза ее присутствие, похоже, не произвело никакого впечатления. От него исходили волны едва сдерживаемого нетерпения. Ему явно хотелось как можно быстрее покончить с этой скучной обязанностью – визитом в школу для девочек. Он осматривал обстановку кабинета мисс Эндикотт, легонько постукивая шляпой по ладони, словно прикидывая, сколько еще своего драгоценного времени может здесь потратить.

– Буду признателен, если вы покажете учебный класс, мисс Вейл, – наконец сказал он.

Он был изысканно вежлив, хотя, вероятно, произнес бы фразу «Мне придется смириться с этим» тем же тоном.

Теперь он смотрел прямо на Фебу.

– Я сделаю это с большим удовольствием. – Она тоже умеет изъясняться с изысканной вежливостью. Правда, она обратила свои слова к его левой брови, чтобы не смотреть прямо в золотистые глаза.

Маркиз кивнул, показывая, что не сомневается в этом, и обратился к мисс Эндикотт.

– Примите мою искреннюю признательность, мисс Эндикотт, за то, что согласились уделить мне время. Надеюсь, ваше путешествие будет приятным и безопасным.

– Надеюсь, лорд Драйден, – коротко ответила она. Феба ни минуты не сомневалась, что путешествие мисс Эндикотт будет только приятным и безопасным. Иначе и быть не могло.

Она присела в реверансе перед мисс Эндикотт, та, в свою очередь, поцеловала ее в щеку, после чего легонько похлопала Фебу по той же щеке затянутой в перчатку рукой и дернула за сонетку, вызывая лакея.

Феба проводила директрису взглядом. Вероятно, поручение мисс Эндикотт можно считать признанием того, что она уже достаточно взрослая, иначе она не отправила бы ее на верхние этажи наедине с красавцем-маркизом.

Но ведь ей всего двадцать два! А ее приглашают в компаньонки к девушке почти такого же возраста, как она…

– Прошу вас следовать за мной, лорд Драйден.

Она развернулась на каблуках и направилась к лестнице, стараясь справиться с искушением побежать наверх, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Годами Феба училась сдерживать свои порывы. Она была превосходной наставницей, но в основном потому, что как никто другой понимала девочек, охваченных бунтарским духом. Теперь она прошла отличную школу и умеет держать себя в руках.

Маркиз пошел за Фебой и уже через мгновение оказался рядом, хотя та почти бежала. Она почувствовала, что мужчина примеривается к ее шагу. Почему-то ей на ум пришел жеребец, пытающийся обмануть ее временной уступчивостью.

Она еще более ускорила шаг, покосилась вбок и заметила короткие волоски – его собственные? – прилипшие к рукаву пальто. Неожиданно маркиз показался ей обычным человеком. Мужчиной. Доступным.

Феба хорошо знала, как расточать любезности и очаровывать. Но она упрямо решила ничего не говорить.

Молчание нарушил маркиз.

– Мне дали понять, что здешние наставники решают проблемы… – Он замолчал, безуспешно подыскивая слово.

– Упрямства? – предположила Феба.

– …Очень хорошо, пусть будет упрямство. В общем, умы учениц заполняются всевозможными знаниями.

Странно. Судя по тону, он находил это… забавным? Или это скептицизм?

– Стимулирование интеллектуального любопытства, лорд Драйден, и внедрение осмысленной дисциплины не оставляет им времени на плохое поведение. Хотя, естественно, они пытаются.

– Понятно.

– Мы считаем, что неверно направленную активность можно и нужно трансформировать в изящество, уверенность и уважительность, если это необходимо. Именно в этом направлении мы работаем.

– Значит, у вас здесь целая философия. Интересно. – В его голосе снова звучала ирония. И сомнение. И усталость.

Феба подумала о девочке, которую он собирается поместить в академию.

– Могу я поинтересоваться, ради кого вы интересуетесь нашими условиями? – Она уже почувствовала свою ответственность перед юной мисс, которая, вероятно, в скором времени к ним присоединится.

Феба считала, что пока великолепно справляется с данным ей директрисой поручением. Она очень-очень вежлива, и очень-очень строга. Ни одна монахиня не может быть такой спокойной, чопорной и незаинтересованной.

Хотя было бы намного проще, если бы от него не исходил такой чудесный запах.

Крахмал, очень хороший табак и еще… лошади? Феба любила запах лошадей. Немного морской свежести, словно он долго гулял по холмам. И еще неповторимый аромат мужчины. Да, пожалуй, так пахнет богатство.

Феба почувствовала, что с удовольствием лизнула бы его. Подобная мысль пришла ей в голову впервые в жизни.

«Нецелованная, – напомнила она себе, – неподходящая, непригодная для поцелуев».

– Мою племянницу поймали за курением сигары. Дважды. Помимо всего прочего. Девочке двенадцать лет, и ею занимается уже третья мачеха. Последняя ее терпеть не может, и, насколько я понял, это чувство взаимно. Таким образом, я здесь представляю брата, который сейчас находится в Нортумберленде. Узнав о своей поездке в Суссекс, я предложил, так сказать, провести разведку.

– Третья мачеха? Боже правый! Бедняжка. Вам еще повезло, что она не начала тайком выпивать.

Маркиз повернулся к ней. Феба чувствовала, он не знает, что делать – улыбнуться или нахмуриться. Ему явно хотелось улыбнуться, но он не был уверен в правильности выбора.

Вероятно, она все-таки позволила себе лишнее. А ведь все шло так хорошо. Она уже много лет не позволяла себе импульсивных замечаний.

– А девушки, после того как вы набиваете им головы знаниями, становятся окончательно непригодны для замужества, или надежда еще остается?

Так… А теперь он ее проверяет. Только что именно – сообразительность или семейное положение? Правда, не исключено, что ему так скучно, что он решил развлечься любым способом, например поддразнивая ее.

Или пытается очаровать ее, чтобы сделать более подходящей для поцелуев.

– Я бы сказала, что наши выпускницы менее терпимы к глупцам, если вы именно это имеете в виду, – заметив, что маркиз искренне удивлен, она мысленно усмехнулась. – В любом случае вам нечего опасаться, лорд Драйден, – сообщила она, напомнив себе, что независимо от того, где в дальнейшем будет жить, она любит мисс Эндикотт, и академии очень даже пригодятся деньги маркиза. – Мы гордимся тем, что прививаем нашим воспитанницам в высшей степени полезные навыки. Они выходят из стен академии, готовые создавать семьи и управлять большими поместьями. Они умеют играть на фортепиано, вышивать и даже вести бухгалтерские книги, чтобы исключить воровство управляющих. Короче говоря, мы готовим их для жизни в любых обстоятельствах.

– Или почти с любым мужчиной.

Это было сказано так быстро, что Феба не смогла сдержать смешок.

Маркиз тоже улыбнулся. Нет, он не демонстрировал белизну всех своих безупречных зубов. Просто его губы чуть дернулись, на щеках появились ямочки, а в уголках глаз – маленькие морщинки. Внезапно он провел кончиками пальцев по изящным лепным украшениям на стене. Совсем как маленький мальчик. На мгновение Фебе показалось, что он наслаждается. Отдыхает в ее компании.

Нет, пыли на стенах он, конечно, не найдет. В этом Феба была уверена. В школе работает целый отряд уборщиц.

«Нецелованная», – напомнила она себе.

И опять подумала, не к Редмондам ли он направляется.

– Иностранные языки, – добавила она. – Мы стараемся добиться, чтобы наши воспитанницы свободно говорили хотя бы на одном иностранном языке. Например, на итальянском, который преподаю я.

– Да? – рассеянно откликнулся маркиз. – Что же, языки полезны. Раз уж вы знаете языки, скажите, что значит… – Он склонил голову набок, словно припоминая, и отчетливо проговорил: «Esto es lo que pienso en su regalo, hijo de una puta!» Насколько мне известно, это испанский.

Матерь Божья!

Маркиз уставился на нее широко открытыми глазами, в которых светилась надежда.

Это и в самом деле был испанский.

– Эти слова… были сказаны вам, милорд?

– Могли быть, а что? – спокойно сказал он.

Феба вгляделась в его лицо. Оно оставалось спокойным.

– Дело в том, что эти слова означают следующее: «Вот что я думаю о твоем мужском достоинстве».

На самом деле фраза переводилась так: «Вот что я думаю о твоем мужском достоинстве, сукин ты сын». Феба предположила, что это было отлично известно маркизу, который, судя по всему, свободно говорит по-испански. А учитывая, что у него когда-то была излишне темпераментная испанская любовница… По крайней мере, об этом писали в газете.

– Надо же… – В его глазах плясали смешинки. Маркиз явно провоцировал ее, хотел заставить рассмеяться.

Ад и проклятье! Беда в том, что она воочию представила этого мужчину с любовницей и эта мысль лишила ее присутствия духа. Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Большая ошибка! Она снова почувствовала восхитительный запах, и у нее закружилась голова. Все шло совсем не так, как она рассчитывала.

– Мы говорили о программе, – напомнил маркиз, решив, что она никогда не заговорит больше.

Им навстречу метнулась Мэри Фрэнсис с метелкой для обметания пыли. Очень уж ей хотелось посмотреть на маркиза.

Она пробежала мимо, потом вернулась обратно, чтобы смахнуть пыль с портрета мисс Эндикотт, словно картина могла сделать ей выговор, если сей же момент не станет чистой.

– Конечно. И говоря о нашей насыщенной программе, лорд Драйден, должна отметить, что мы принимаем только самых способных девушек. Думаю, мисс Эндикотт сказала вам, что мы проводим предварительное собеседование, желая убедиться, что новые ученицы не будут отставать на занятиях.

– Полагаю, самые способные девушки одновременно являются самыми богатыми?

Теперь Феба лучше понимала собеседника.

– Вы даже не представляете, как часто это оказывается правдой.

Его неожиданно веселая и озорная улыбка молнией осветила чопорную сдержанность беседы. И все вокруг изменилось.

Но улыбка моментально исчезла.

– Кстати, – Феба говорила с некоторым трудом, потому что от его улыбки ей стало трудно дышать. Она остановилась и откашлялась. – Мы всегда информируем родителей будущих учениц из хороших семей, что принимаем и девочек, не имеющих никаких средств и родословной. И всех учим одинаково. Мы считаем, что это помогает формированию характера всех учениц.

Маркиз резко остановился и с видом ценителя стал рассматривать висевший на стене хорошо выполненный пейзаж Суссекса. Его написала одна из бывших воспитанниц. На стенах академии мисс Эндикотт не могло быть посредственных картин. Она бы их не потерпела.

– Иными словами, вы сводите избранных девушек с чернью?

– И чернь с избранными.

– Значит, так вы шлифуете бриллианты, – задумчиво пробормотал он. – Посредством… трения.

Его глаза снова блеснули.

Фебе это очень понравилось.

И еще ей послышался в его словах какой-то намек. Словно он подготавливал ее к чему-то.

«Держи себя в руках, Вейл. Ты ему даром не нужна». Она инстинктивно выпрямилась и расправила плечи в попытке казаться значительнее и более устрашающе – так выглядят некоторые южноамериканские ящерицы.

Она знала о ящерицах, поскольку прочитала о них в книге мистера Редмонда. Она читала все и обо всем, когда бывала такая возможность.

– Я бы не назвала это трением, лорд Драйден. Скорее, речь идет о соприкосновении различных поверхностей.

Боже мой, но ведь в этой фразе явный эротический подтекст! Или ей показалось?

Эффект оказался поразительным. Маркиз повернулся к ней лицом. Его глаза горели интересом. Но губы не улыбались.

У него были невероятные глаза.

«Неподходящая для поцелуев», – настаивал греческий хор в ее голове.

Она поспешила объясниться.

– Знаете, если девушки бедны, это еще не означает, что они – сброд и чернь. У многих из них просто трудно складывалась жизнь, или они… встретили препятствие на… пути своей судьбы.

Феба пожалела о сказанном, лишь только слова слетели с ее губ.

Ненадолго воцарилось молчание.

– Путь… судьбы, – задумчиво повторил он. Вероятно, на случай, если она в первый раз не заметила, как нелепо это звучит.

Ну почему у него так ярко сверкают глаза?

Неужели он бросает ей вызов? Создается впечатление, что он знает, какова она на самом деле под налетом чопорности, и намерен, во что бы то ни стало, заставить ее показать свое истинное «я».

Феба отметила, что сцепила руки за спиной. Зачем? Схватила одной рукой другую, чтобы не коснуться его? Нет, она все же не настолько безрассудна. С другой стороны, она еще никогда не подвергалась столь сильному искушению. У него невероятные, колдовские глаза.

«Детская игра», – сказал он. Феба это хорошо запомнила. – «Мне не нужен ее поцелуй». Эти слова назойливо повторялись в ее мозгу. «Детская игра, детская игра, детская игра».

Детская игра? Ну, это мы еще посмотрим, лорд Драйден.

Маркиз почувствовал перемену в ее настроении. И сразу снова напустил на себя официальный вид.

– Школа имеет отличную репутацию, мисс Вейл. И щедрого мецената в лице мистера Джосайи Редмонда.

– И мистера Джейкоба Эверси.

Патриархи Пеннироял-Грин не имели ничего против школы – уважаемой, с хорошей репутацией и опытным педагогическим составом, – в которой учились девочки, отцы которых имели титулы и политические связи.

Феба пошла дальше, маркиз за ней, и наконец они дошли до конца коридора. Дверь одной из классных комнат была распахнута настежь, оттуда доносились запахи льняного масла и лимона. Вероятно, прислуга только что закончила уборку помещения и ушла. Маркиз с любопытством заглянул в класс. Едва ли ему мог не понравится вид блестящего деревянного пола, рядов чистых полированных столов и стульев и высоких сводчатых окон, через которые лился солнечный свет. Вдоль одной из стен стояли книжные шкафы. На учительском столе красовался огромный глобус. Большой камин был холоден и чисто вычищен.

В комнате никого не было. Ученицы разъехались на каникулы.

Феба топталась позади маркиза, застывшего на пороге класса. Казалось, он размышлял, стоит ли заходить внутрь.

В этот момент ее сердце тревожно забилось.

Если он собирается выиграть пари, то это прекрасное место для попытки. А если она собирается высказать свою точку зрения… это место тоже подойдет.

Время тянулось мучительно медленно. Феба слышала только стук собственного сердца.

Она смотрела на ноги маркиза. Вот наконец он решился и медленно вошел в класс.

В начищенных сапогах он твердо ступал по деревянному полу. Маркиз остановился в потоке света из первого окна. Солнце высветило рыжие проблески в темных волосах – словно тлеющие угли в черной золе. В уголках его глаз притаились морщинки.

«Он предназначен для меня».

Мысль появилась из ниоткуда и потрясла Фебу до глубины души. Она удивленно покосилась на своего спутника. Никогда в жизни ее не беспокоили подобные мысли. Сердце тоскливо заныло. Ей показалось, что она давно знает этого человека, все его достоинства и недостатки, фобии, ошибки и страсти. Мысль была, мягко говоря, неожиданной.

Наверное, всему виной это необычайное освещение.

Как только он выйдет из потока солнечного света, все снова будет в порядке.

Маркиз не смотрел на Фебу. Теперь его заинтересовал вид из окна – пологие зеленые холмы, деревья, быстро теряющие листву. Осень решительно вступала в свои права. Из этих окон моря не было видно. В любом случае вид из окна не мог повлиять на его решение. Критиковать здесь было нечего.

Тем не менее он стоял, смотрел. И молчал.

Быть может, он хочет своим молчанием заманить ее в комнату?

Ей придется принять решение.

К немалому удивлению, Феба обнаружила, что решение пришло само собой. Казалось, ноги сами несли ее в класс. Кровь шумела в ушах.

Маркиз отвернулся от окна и взглянул на нее. Их глаза встретились.

Тишина была такой абсолютной, что казалось оглушительной.

Значит, сейчас он ее поцелует? Интересно, как целуют за десять фунтов? Наверняка он должен хотя бы подойти поближе, чтобы обнять ее…

Ну сколько же можно ждать! Она не вынесет напряжения!

– Что ж, у меня нет никаких возражений, – сказал наконец он. – Я буду рекомендовать брату отдать дочь в вашу школу.

И это все?

– Очень рада это слышать, лорд Драйден. – Напряжение, волнение, гордость, странное тоскливое томление… все это напрасно.

Странно, но маркиз, казалось, был доволен. Его губы снова сложились в улыбку. Фебе нравилось, как улыбка его преображала. Ей нравилось, когда он на нее так смотрел. В какой-то момент Фебе показалось, что он… смутился? Ей была известна разница между растерянностью и робостью, безразличием и занятостью. И хотя этот мужчина, безусловно, знал свое место – в своей семье, в обществе и в мире, здесь он чувствовал себя неуютно.

Интересно почему?

Возможно, он все же готовился поцеловать школьную учительницу, хотя не имел никакого желания это делать, и не был заинтересован в получении жалких десяти фунтов.

Жалких для него.

Ну хватит, она больше этого не вынесет.

– Ладно, лорд Драйден, может быть, вы наконец покончите с этим?

Улыбка исчезла.

– Простите, я не понимаю.

– Вы собираетесь поцеловать меня или нет?

Глава 5

Маркиз остолбенел. Судя по охватившему его смятению, он был совершенно сбит с толку. Он открыл рот, снова закрыл, через несколько секунд открыл снова.

И потряс головой.

– Простите… Почему вы думаете… Я не понимаю…

Драйден от растерянности запинался, наверное, впервые в жизни.

– Мы здесь одни. У вас репутация человека, легко заключающего пари и всегда их выигрывающего. И кроме того, я слышала, как ваш друг предлагал вам это пари. Кажется, ставка была десять фунтов? Очень выгодно. Представляете? Вы сможете купить за эти деньги один палец одной перчатки.

Эмоции на его лице быстро сменяли друг друга. Сначала смущение, затем осознание, ужас, раздражение, похотливое любопытство…

И наконец вполне веселое признание поражения.

– Ну если все известно, это уже совсем неинтересно.

Фебе было что ему сказать. И она точно знала, чего говорить не стоит.

– Вы уверены, что совсем?

Все-таки она это произнесла.

Молчание. И затем:

– Мисс Вейл…

– Да?

– Вы со мной флиртуете?

– А вы сильно удивитесь, если я скажу «да»?

– Ну…

Феба невесело усмехнулась.

– Потому что я простушка и у меня даже мыслей таких быть не может, и потому что вам известно только одно правило игры – вы наступаете, а девушка капитулирует. Неужели вы еще не устали от этого? Всегда все одно и то же!

Она всплеснула руками, глядя на маркиза с насмешливой серьезностью.

Маркиз явно не знал, что сказать.

– Да… нет… то есть вы не простушка…

Джулиан не знал, так ли это, но слово уже вырвалось. Хотя в подобных обстоятельствах это было лучшее, что он смог сказать. Девушка действительно была красива, ему следовало это заметить.

– Знаю. Мое лицо красиво. Мне об этом говорили. Достаточно часто, чтобы я запомнила. – Феба развеселилась.

Шокированный Джулиан внезапно осознал, что девчонка играет с ним.

Он постарался успокоиться. Он не мог вспомнить, когда в последний раз вынужден был сделать над собой усилие, чтобы успокоиться. Иногда он задавал себе вопрос, насколько его репутация отличается от той, которую он хотел бы иметь.

Девушка мыслила быстро – это ему нравилось. Ума ей хватало. Остроумия тоже. Еще заметив ее в магазине, он почувствовал исходящую от нее энергию, но тогда решил, что это было страстное желание получить шляпку, с которой, он заметил, она не сводила глаз.

Он не хотел ее целовать.

Так ли это?

А ведь эта девчонка считала его в действительности абсолютно никчемным. Слабым. По иронии судьбы именно слабость была роскошью, которой он никогда не мог себе позволить. И, черт побери, он ведь на самом деле изучал лицо Фебы и старался не дать ей это заметить.

В солнечном свете, льющемся из высоких окон… что ж, сравнение с драгоценным жемчугом не было бы неточным. Она излучала здоровье, желание и… жизнь. Она вся светилась жизненной энергией.

– Ваше лицо не кажется мне непривлекательным, – наконец произнес Драйден.

– Неужели! Лицемерие вам не к лицу.

Джулиан почувствовал, что улыбается. Причем помимо воли.

– Должен ли я извиниться за всех представителей своего пола за неоднократное повторение одного и того же комплимента? Разве было бы лучше не слышать комплиментов вообще?

– Когда много раз слышишь одно и то же, трудно не прийти к заключению, что это единственное твое достоинство.

Ее голос звучал весело. Словно ей было все равно. Джулиан никогда раньше не встречал женщины, имеющей такое железное самообладание. Хотя, конечно, она имела отличную практику, руководя неуправляемыми девицами. Маркиз им не конкурент.

– Могу только выразить искреннее сожаление. Не все мы, увы, поэты. Мы считаем, что женщинам нравятся комплименты их красоте, и выполняем свой долг. Считайте, что ваши поклонники настолько потрясены вашей прелестной внешностью, что не могут думать ни о чем другом.

– Прекрасная теория! Я ее непременно обдумаю.

– А вашим глазам досталось должная порция комплиментов?

– Вы хотите сказать комплимент моим глазам?

– Я не осмеливаюсь. Вы сочтете мои слова недостаточно красочными, и я буду выглядеть глупцом.

Феба засмеялась. Она была очень довольна и даже немного удивлена.

Джулиан улыбнулся в ответ. Удивительно, но факт: он был счастлив, что сумел ей угодить.

Время шло, оба молчали – только улыбались. Воздух был насыщен возбуждением, и, вдыхая его, Джулиан чувствовал себя невесомым.

Почему никто не говорил комплименты ее улыбке? Она прелестна. Ее глаза, какого бы ни были цвета – маркиз так и не мог сказать с уверенностью, зеленые они или серые, – загорались, когда она улыбалась, а на щеках появлялись ямочки, напомнившие ему, что эта девушка – учительница. Ямочки на щеках казались ему такими же обязательными для человека ее профессии, как точка в конце предложения.

Не поэтичная, но все же метафора.

– Возможно, это моя вина, – задумчиво сказала Феба, прижав палец к подбородку. – Или просто я не встречала мужчин, воображение которых стоило воспламенять.

А теперь ему бросили перчатку?

– Очень может быть, – осторожно согласился маркиз.

С кем может общаться школьная учительница? С фермерами, викарием, другими учителями. Или с солдатами? Похоже, она провоцирует его, хочет, чтобы он ее очаровал?

Он маркиз.

Маркиз, который по чистой случайности любит вызовы. Любит почти так же сильно, как ненавидит всевозможные недоразумения и сложности. И навязанные ему пари.

– Вы бывали в Лондоне? – спросил Джулиан.

После секундного колебания она ответила:

– Да.

– В Лондоне можно встретить самых разных людей.

Феба нашла это утверждение чрезвычайно забавным.

– Вы предлагаете, чтобы я разнообразила свой опыт общения с мужчинами, чтобы слушать лучшие комплименты? Вряд ли получится. Я намерена уехать за границу. Далеко-далеко. По пути я встречу много разных джентльменов.

Джулиан все глубже втягивался в беседу, поневоле заинтересованный.

– Куда вы хотите поехать?

Еще одна короткая заминка.

– Мне бы хотелось поехать в Африку.

– В Африку. – С таким же успехом она могла сказать, что собирается на Луну. Что на это можно сказать? Миссионеры отправляются в Африку с определенной миссией. Хотя, возможно, среди них есть и учителя.

– Вы собираетесь… работать? – осторожно спросил Драйден после паузы.

Феба расхохоталась.

Ничего более приятного, чем этот смех, Джулиан не слышал уже очень долго. Это было лучше, чем опера или мюзикл, птичье пение или стук лошадиных копыт, и даже лучше, чем томные вздохи любовницы в его объятиях. В общем, ее смех был восхитительнее всех его самых любимых звуков. Девушка смеялась искренне, ничуть не жеманясь, и это оказалось на удивление приятно.

– Боже мой, лорд Драйден! Вы бы видели свое лицо. Когда произносили слово «работать». Между прочим, это занятие не относится к числу смертных грехов, вы не забыли? И да, я действительно собираюсь заниматься именно этим.

– С миссионерами? – Джулиан лихорадочно пытался вспомнить, что ему известно об Африке и зачем туда люди едут. – Учить детей?

– Да.

– Вы так добродетельны?

Надо же, теперь флиртует он.

Улыбка, которой Феба его одарила, была бесконечно далека от праведности. Лицо девушки стало насмешливым, озорным, искушающим – ну чистый бесенок!

Она не произнесла ни слова. Все сказала улыбка. И, к немалому удивлению, Джулиан почувствовал отклик в некоторых частях своего тела.

– Или у вас тяга к перевоспитанию? – спросил он, немного понизив голос.

Феба уклонилась от ответа.

«Теряете сдержанность, госпожа учительница?»

– Я просто хочу посмотреть мир.

– Некоторые люди начинают с Италии. Или с Брайтона.

– А я решила, что начну издалека и буду постепенно двигаться обратно.

Джулиан рассмеялся. Ситуация нравилась ему все больше.

– Что касается работы, это было всего лишь мое предположение. Ведь нельзя исключить, что вы едете вместе с мужем, у которого там дела, или вас привлекает тамошний климат. Насколько мне известно, жить там – все равно, что в пекле. И женщина не должна…

Он понял, что собирается сказать, и замолчал.

– Работать? Все в порядке, я никому не скажу, что вы много раз употребляли в разговоре со мной это ужасное слово на букву «р».

– …если у нее есть муж, брат или отец, которые о ней заботятся.

– Совершенно верно, – ответила Феба.

Значит, никого из перечисленных выше мужчин в ее жизни нет. А кто есть? Она достаточно молода – или достаточно взрослая – чтобы иметь любого из них. Руки и ноги на месте, никакого видимого уродства нет, значит, она определенно могла выйти замуж, если бы захотела. Может быть, вдова? Не похоже.

– Дело в том, что… – Она глубоко вздохнула. – Скажите честно, лорд Драйден, вам не надоедает постоянно делать одно и то же: все те же удовольствия, те же занятия. Вы не чувствуете себя… заключенным в клетку?

– Что заставляет вас думать, что мои удовольствия и дела бывают однообразны достаточно часто, чтобы наскучить?

– Я читаю лондонские газеты.

Ах вот как!

– Мне не свойственна невоздержанность, и я весьма привередлив в выборе удовольствий.

– Вы не ответили.

Джулиан задумался.

– У меня довольно много обязанностей.

– Занимаетесь поместьями? – чуть насмешливо спросила она.

Что ж, это правда. У него столько же поместий, сколько титулов. На самом деле, даже больше. И бесконечное количество обязанностей. Зато его умению перекладывать свои обязанности на других нет равных. Джулиан, как никто другой, умел нанимать на службу только лучших. В этом инстинкт его ни разу не подвел.

Значит ли это, что он может нанять кого-то для управления собственной семьей?

– Да, конечно, существуют постоянные обязанности. В светской хронике не пишут, к примеру, о том, что я устроил новую осушительную систему в своих поместьях в Херефорде.

– Да? – Ее голос звучал удивленно. – Осушительную систему?

– Или что я приобрел великолепных овец и теперь получаю отличный доход от продажи шерсти.

– Английская шерсть ценится во всем мире.

– А еще я служил в армии.

– Очень впечатляет. Насколько я поняла, война – это скука с примесью страха и насилия.

Значит, она знала каких-то солдат. Интересно, насколько близко. Он вспомнил солдат, служивших под его командованием, и без труда мог представить, как она могла их очаровать. Они встречали на континенте милых энергичных женщин, и те делали для них войну более терпимой. И женщины вовсе не обязательно были красивыми.

– И не только. Если мужчина долго служит в армии, он еще узнает множество ругательств и подхватывает самые разные болезни. Не говоря уже о том, что приобретает интересные шрамы.

– У вас есть такие болезни? – Джулиан не мог считать себя польщенным. В ее голосе звучало, скорее, любопытство, чем озабоченность.

– Нет, по крайней мере, тех, что могли бы убить меня или вас во время этой беседы.

На ее лице снова медленно появилась улыбка. Джулиану нравилась эта неспешность. Так улыбка длилась дольше и освещала ее лицо постепенно. Это все равно что наблюдать за восходом солнца. Или за началом… чего-то хорошего.

Драйден был непозволительно близок к тому, чтобы почувствовать себя… счастливым, более подходящего слова он подобрать не мог. Но счастье было каким-то странным, поскольку его нервы оставались натянутыми, словно струны. Уже давно его не удивляла беседа с кем бы то ни было, не говоря уже о беседе с женщиной. Он совершенно не мог предугадать, что Феба скажет в следующий момент, и это отличало ее от всех без исключения его знакомых.

Правда, он вряд ли когда-либо прежде разговаривал со школьной учительницей.

«В клетке».

Теперь, когда она произнесла это слово, он почувствовал окружающие его невидимые стены. Или решетки.

– И еще мужчина в армии может приобрести друзей на всю жизнь, – продолжил Джулиан. – Там сразу видишь, кто готов умереть за тебя.

– И вы это знаете?

– Да. А вы?

Странно, но в ее глазах мелькнула тень. Мелькнула и исчезла. В ходе этой короткой беседы Джулиан заметил, что у нее необыкновенно выразительные глаза.

– Друзья важны, – сказала Феба.

Джулиан приподнял брови, давая понять, что спрашивал не об этом.

Девушка смотрела на него прямо и спокойно, и тоже слегка приподняла бровь. Наверное, ей пришлось очень долго работать над собой, чтобы научиться скрывать свои мысли. В ее глазах всегда светится ум и насмешливость. Эта школьная учительница – сложный, ранимый человек, который прячется под маской самообладания.

Интересная девица.

– Вам часто бывает скучно, мисс…? – Проклятье, Джулиан был хорошо воспитан и откровенно устыдился того, что забыл ее имя.

– Вейл, – тихо напомнила она. Необиженно. Насмешливо.

С этим ничего нельзя было поделать. Девушка его заинтересовала. Он не мог себе представить, что какая-то из его знакомых дам может заскучать настолько, что отправится в Африку. Все они казались такими занятыми, погруженными в дела, которые забавляли его, но когда обсуждались в его присутствии, вселяли панику и желание бежать, чего он не испытывал даже под дулом пистолета. Дела дам аристократок – вышивание, наряды и тому подобное.

А эта женщина работает. Тогда почему ей скучно?

– Я благодарна за мою работу в академии. Общаться с девочками – удовольствие, а мисс Эндикотт – добрая и справедливая начальница. Вероятно, слишком живое воображение следует считать проклятьем.

– Это вы о себе?

Он спросил это совершенно нейтральным тоном. Очень осторожно. Все дело в том, что Драйден был знаком с несколькими дамами, обладавшими развитым воображением. Они писали напыщенные стихи, читали ужасные романы и пели со страстью, достойной лучшего применения, атакуя клавиши фортепиано, словно личных врагов. Такие женщины вполне могли швырнуть вазу в голову любовника, если он решит расстаться с ними, вежливо поклонившись и сделав на прощание дорогой подарок.

– Возможно.

– Отсюда и Африка? Выбор подсказан воображением?

– Полагаю, что да. – Она явно не хотела развивать эту тему. Джулиану показалось, что теперь ей наскучил он.

– Ваше воображение заводит вас довольно далеко.

– Или скука не имеет границ.

Драйден улыбнулся.

Девушка резко втянула в себя воздух. Маркиз не сомневался, что она в этот момент старается подавить в себе какую-то эмоцию. Нечто, подозрительно напоминающее боль. Она опустила глаза и огляделась по сторонам, словно искала, на чем можно остановить взгляд. И задержала его на глобусе. Джулиану показалось, мисс Вейл ожидает, что нахлынувшее чувство пройдет, и старается пока на него не смотреть.

– Может быть, все дело в вашем окружении, мисс Вейл?

Она подняла глаза.

– У меня отличная компания, лучшей не могла бы и желать.

Маркиз и Феба внимательно смотрели друг на друга.

Кто? Неожиданно Джулиан почувствовал, что отчаянно хочет это узнать. Его пронзило странное ощущение… нет, конечно, не ревность, и не зависть. Тем не менее он предпочел не задумываться на эту тему.

Смотреть ей в глаза было удивительно приятно и возбуждающе.

– Учитывая мое присутствие здесь, – сказал он, – я принимаю это как комплимент.

– Вы можете принимать это, как вам больше нравится, лорд Драйден, – вежливо ответствовала она. – Должна ли я понимать, что вы больше не хотите меня поцеловать?

Она искусно перехватила инициативу, повела беседу в другом направлении и снова упомянула слово «целовать» – словно бросила гранату.

Которая мгновением позже взорвалась в его мозгу.

Теперь он мог думать лишь об одном: каково это – целовать эту странную девушку. Все же интересно, каким образом она сумела втянуть его в эту игру.

Джулиан не был уверен, что девушка ему нравится. Зато ни секунды не сомневался, что ему нравится эта беседа. Во всяком случае, он забудет ее не скоро.

И мисс Вейл тоже.

– Если вы хотите, чтобы вас целовали в будущем, позвольте предложить вам вести разговоры иного рода, – сухо заметил маркиз.

– Дело не в том, хочу я, чтобы меня целовали или нет, – объяснила она, и при этом вовсе не казалась оскорбленной. – Меня намного больше интересует, кто это делает.

Глаза маркиза остановились на ее губах – иначе и быть не могло. Они были пухленькими и маленькими. И бледно-розовыми. Верхняя губа напоминала половину сердечка.

Джулиан почувствовал, как по спине побежали мурашки – ощущение знакомое и вместе с тем новое.

Феба видела, что он смотрит на ее губы. Половина сердечка слегка приподнялась.

– Вас уже целовали раньше? – Ему нужно было это знать.

– Почему вас это интересует? Боитесь проиграть в сравнении?

Боже, у нее есть ответ на все! И какой прямой взгляд! Джулиан подозревал, что она отлично понимает, как действует на него. А глаза у нее, пожалуй, зеленые. Или нет? Во всяком случае, они чистые и большие, ресницы длинные и темные со светлыми кончиками, а брови настолько светлые, что их почти не видно, и имеют форму маленьких крыльев. В общем, она вся соткана из бледных приглушенных тонов, что должно действовать на мужчину успокаивающе.

Но не действует.

– Вы забудете, что когда-то целовались, если я вас поцелую.

Слова вырвались у Джулиана помимо воли.

Он увидел, как у нее перехватило дыхание, и она замерла. И хотя он был уверен, что его собеседница себя за это мысленно ругает, она покраснела. Это было похоже на краски рассвета, залившие бледное небо.

В общем, он сумел удивить их обоих. Он очень редко говорил что-то, не подумав. Сейчас был именно тот случай.

Нельзя сказать, что она осталась глуха к его чарам. И вовсе не была такой опытной, как хотела ему показать. Возможно, ее флирт – способ держать мужчин на расстоянии.

Интересно, чего она боится?

Джулиан не был уверен, насколько это для него важно.

Разговор дошел до тревожного крещендо, и на какое-то время воцарилось молчание.

– Я могла бы вам поверить, лорд Драйден, – наконец проговорила Феба, – если бы не понимала, что вы говорили эти слова легиону женщин.

Маркизу показалось, что он уловил в ее голосе вопросительную нотку.

Но не был намерен отвечать.

Суть заключалась в том, что он никогда и никому не говорил этих слов. В этом он был абсолютно уверен. И сейчас чувствовал неловкость из-за того, что выпалил их. Если он хотел поцеловать женщину, то делал это, не тратя время и силы на убеждение. Все же он – маркиз Драйден, очень богатый холостяк, да и выглядит… впрочем, как выглядит, так выглядит. Он мог считать себя счастливым, унаследовав глаза отца, а не его характер.

Но даже если его сокровенные мысли прозвучали для этой женщины, как избитые фразы, он хотел произвести на нее впечатление…

Неужели он думает, как на нее произвести впечатление? На школьную учительницу?

Пора вспомнить, кто он и зачем прибыл сюда.

– Боюсь, мы немного отвлеклись, – сухо проговорил Драйден, стараясь, чтобы его голос звучал, по возможности, высокомерно.

Феба слегка наклонила голову к плечу, возможно, чтобы рассмотреть его под другим углом, в надежде, что так он покажется менее скучным, но если и пришла к какому-то выводу, ее лицо осталось непроницаемым.

Одно ее плечо поднялось и сразу опустилось.

Ей было настолько безразлично, что она даже не потрудилась пожать обоими плечами.

Джулиан должен был чувствовать себя позабавленным, но вместо этого напряженно молчал. Он не знал, что сказать, после того, как беседа зашла в тупик.

Зато у мисс Вейл не было проблем. Она заговорила сразу и без малейшего труда. Оставалось только поражаться ее самообладанию.

– У меня через несколько минут начнется урок. Мисс Эндикотт очень добра и справедлива, но мне не хотелось бы этим злоупотреблять. – Извинение было безупречным.

Молчание маркиза она приняла за согласие, отвернулась и пошла от него по коридору. Но Джулиан не тронулся с места, только молча смотрел ей вслед. Он был совершенно выбит из колеи, и, возможно, поэтому заметил некоторые мелочи, на которые не обратил внимания сразу. Так драгоценный камень играет лучше, если его поместить под луч света. Оказалось, что у школьной учительницы длинная и грациозная шея, узкая спина и соблазнительно округлые бедра, а волосы золотистые и блестящие, как самый дорогой шелк. Более цветистая метафора ему просто не пришла на ум.

Все это казалось неуместно важным. Джулиан был взволнован, словно столкнулся с неким новым, доселе не известным ему видом живых существ.

Вернувшись в свою комнату, Феба села за стол и перечитала письмо, которое начала писать раньше.

Немного подумав, она смяла его и, не глядя, бросила через плечо Харибде, который ловко поймал его когтистыми лапами.

Взяв другой листок, она быстро написала:

«Дорогая Лизбет,

Большое спасибо за приглашение. Буду очень рада провести с тобой несколько дней. С нетерпением жду встречи.

С любовью, Феба Вейл».

Глава 6

Феба пригладила свое прогулочное платье и подала руку, которую немедленно почтительно принял лакей. Она сумела выйти из экипажа, посланного за ней Редмондами, не показав ему своих чулок, хотя, если бы это и случилось, ее лицо, безусловно, осталось бы совершенно бесстрастным. Все же она прошла отличную школу.

– Феба!

Лизбет сбежала по ступенькам огромного дома, крепко обняла гостью и расцеловала в обе щеки. Эта привычка была новой.

У Фебы даже голова закружилась от столь бурного натиска.

– Как я рада тебя видеть! Превосходно выглядишь! Так и пышешь здоровьем!

– Спасибо. Любая леди стремится выглядеть хорошо, Лизбет.

Ирония от Лизбет ускользнула. Она все и всегда понимала буквально.

При этом была очень доброй. Лизбет, конечно, обратила внимание на платье, в котором приехала Феба, и узнала его. В этом же наряде она видела приятельницу два года назад. Поэтому она устояла перед искушением и не сделала обычного комплимента, который был традиционной частью приветствий между молодыми дамами во всем мире. Одеяние Фебы можно было назвать в лучшем случае сносным, и они обе это знали.

– Я тоже очень рада встрече. Спасибо, что вспомнила обо мне. Ты так красива, Лизбет, просто дух захватывает.

Это была правда, и в голосе Фебы помимо воли прозвучал легкий намек на зависть. За два года Лизбет полностью избавилась от детской пухлости. У нее были широко расставленные голубые глаза, казавшиеся огромными на хрупком девичьем личике, точеный носик, словно у греческой богини, и нежные губы, которые, несомненно, только в этом сезоне уже сотни раз сравнивали с лепестками роз.

Было очевидно, что девушка приобрела уверенность в себе, стала живой и энергичной, но всего этого в ней было чуть-чуть в избытке. Ее внимание и активность делали ее похожей на ребенка, излишне возбужденного в ожидании рождественских подарков.

Лизбет взяла гостью за руку и провела ее в большой холл дома Редмондов, а молчаливые лакеи в париках и ливреях внесли ее вещи. Они выглядели необычайно важными и торжественными.

Однако слуги не пошли вверх по мраморной лестнице, где располагались комнаты хозяев и знатных гостей.

Феба наблюдала, как они прошествовали через холл и исчезли, повернув налево, где располагалась дверь, выходящая во внутренний двор, за которым

находились комнаты для персонала.

Нет, там жили не лакеи и горничные. Гувернантки, учителя, приехавшие по делам поверенные и управляющие, в общем, люди, которые работали на Редмондов. Она мысленно усмехнулась, подумав, сколько друзей Редмондов прошли через эти комнаты.

Лизбет проследила за взглядом Фебы.

– Тетушка Редмонд приказала, чтобы тебе приготовили комнаты в южном крыле. Там очень хорошо! Честное слово!

Фаншетта Редмонд всегда бдительно следила за соблюдением границ между классами. Ей, скорее всего, и в голову не пришло поселить мисс Вейл на одном этаже с семейством Редмондов.

Феба не была удивлена. Ну, или не слишком удивлена. Тем не менее ей потребовалось некоторое время, чтобы полностью овладеть собой и заговорить спокойно.

– Не сомневаюсь, что комнаты выше всяких похвал и вполне подойдут для меня.

Лизбет кивнула, нисколько не сомневаясь в этом, и тема была закрыта.

– Я так рада, что ты смогла приехать, хотя я предупредила тебя только в самый последний момент. Мы прекрасно проведем время. Только подумай, Феба, у нас будут очень знатные высокопоставленные гости! Не дождусь, когда ты их увидишь! Ты рот откроешь от удивления! Еще я решила, что мы отправимся на прогулку и будем рисовать развалины замка, так что, надеюсь, ты захватила с собой альбом. Если, конечно, не будет дождя. Но я не думаю, что погода испортится. Дядя Джосайя задумал какой-то сюрприз для всех – не знаю, о чем речь. Еда будет очень вкусной. Я специально попросила, чтобы приготовили мое любимое блюдо – ягненка в мятном соусе. И ты еще не знаешь, какие у меня новости! Или… не знаю… В общем, я надеюсь, что после бала все пойдет по-другому. А сегодня вечером у нас будет прием, где все гости встретятся и познакомятся друг с другом. На тебе будет очень красивое платье, и я пришлю свою горничную, чтобы она уложила тебе волосы.

Феба напомнила себе, что у Лизбет есть мозги, но та не видела необходимости ими пользоваться. Поэтому она просто начала задавать вопросы, которые ее нисколько не интересовали – для поддержания беседы. Было удивительно приятно идти рядом с ней и слушать беспечную болтовню. Точно так же человек получает удовольствие, сидя на скамейке в саду и слушая птичье пение. Но в очень больших дозах и то и другое раздражало. Феба всегда предпочитала, чтобы беседы были содержательными. Правда, три дня можно мириться с чем угодно.

Если Лизбет считает ее подругой, тогда она будет ею.

Несмотря на то что они будут спать в разных частях дома. И несмотря на то что Лизбет никогда не узнает тайных мыслей Фебы. А если бы узнала – то очень бы удивилась.

– Теперь сюда. Миссис Блоуфилд проводит тебя до твоих комнат. Спускайся вниз через два часа. Гости соберутся в гостиной.

Комната на самом деле была очень приятной. Хотя через стену из соседней комнаты доносился громкий храп. Вероятно, один из управляющих прибыл к хозяину с докладом о состоянии той или иной его собственности.

Ковер был толстый. Кровать покрыта тоже толстой пуховой периной, поверх которой лежали взбитые подушки. Феба потрогала одну из них – очень мягко. Она вспомнила о Харибде. Он бы получил большое удовольствие, нежась в этой роскоши. Но он остался в школе, о нем должна была позаботиться Мэри. Письменный стол придвинут к окну. И пусть ковер изготовлен не на мануфактуре Савонери – это название Феба узнала из газет, – он не имел ничего общего с лоскутным ковриком, который покрывал пол ее комнаты в школе мисс Мариетт Эндикотт.

Она повесила одежду в гардероб – на это ушла всего минута, достала свой альбом и открыла его. Найдя чистый лист, она начала рисовать. Ее рука с зажатым в пальцах углем быстро двигалась по бумаге, линии получались четкими, резкими. Она видела мужчину, которого рисовала, всего полтора дня назад, и понятия не имела, будет ли он среди гостей. Всего лишь на случай, если они никогда больше не встретятся, ей было необходимо запечатлеть его образ,

пока он еще свеж в памяти.

На рисунке он выглядел состоящим из острых углов, тьмы и пламени, что было весьма иронично для человека, которого называли лорд Айсберг.

Потом она перевернула страницу, спрятав изображение от самой себя, и убрала альбом.

Спустя два часа она сошла вниз и нашла гостиную по гулу голосов. Это была большая комната, в которой первым бросался в глаза массивный камин, украшенный херувимами и цветочными композициями. Повсюду были расставлены кресла и диванчики, а для освещения использовались газовые лампы – Джосайя Редмонд следил за новинками.

Феба надела на лицо самую нейтральную улыбку и вошла, стараясь держаться как можно незаметнее. Здесь было множество гостей, все одетые по последней моде. Первым она увидела Джосайю Редмонда. Это был высокий и красивый, хотя и немолодой мужчина, со взглядом острым, как нож. Он имел репутацию сурового человека, считалось, что ему лучше не перечить, и уж тем более не идти наперекор, тогда он становился опасным, но все эти качества, если таковые действительно имелись, были скрыты под обманчиво радушной улыбкой. Она слышала слухи – а кто в Пеннироял-Грин их не слышал? – что он мог далеко зайти, желая добиться своего. Слухи становились особенно многоречивыми, когда речь шла о том, что Колин Эверси едва не погиб на виселице. Утверждали даже, что из-за него исчез его старший сын и наследник Лайон. Но большинство возлагали вину за это на Оливию Эверси и легендарное проклятье, согласно которому в каждом поколении в семьях Редмондов и Эверси будут появляться влюбленные, и последствия каждой такой связи окажутся катастрофическими. Сама Оливия Эверси над подобными заявлениями смеялась, называя их чепухой, но даже пресловутый Уотерберн не рискнул заключить ни одного пари на вероятность такого союза. Он любил выигрывать, как и любой другой, и в данном случае знал, что фортуна против него. Красавица Оливия, похоже, решила остаться старой девой.

Феба оглядела комнату, внутренне радуясь, что не увидит Оливию здесь. Она сразу заметила Джонатана Редмонда, который с каждым годом становился все более похожим на старшего брата. Рядом с ним стоял его друг, лорд Аргоси,

частый гость в Суссексе. Его нередко видели вместе с Джонатаном в пабе «Свинья и свисток» и в церкви.

Ее сердце забилось чаще, когда она заметила ненавистного Уотерберна… ведь если он здесь…

Феба провела ладонями, ставшими вдруг влажными, по юбкам. Он сказал, что, судя по всему, приглашен на тот же прием, что и маркиз. И тут она, сначала почувствовала, а потом уже заметила его. Точнее, его спину. Лизбет сидела на диванчике рядом с Джонатаном и что-то рассказывала. А маркиз наклонился к ней, чтобы лучше слышать ее слова.

Он слегка пошевелился, вероятно, ощутив ее взгляд между лопаток.

Потом заметил ее, резко повернулся, и выпрямился во весь свой немалый рост.

И застыл.

Лизбет весело смеялась, возможно, собственной шутке, и ее смех отдавался в ушах Фебы, словно громкий звон колоколов. Заметив, что Джулиан отвернулся, она шутливо похлопала его по руке.

Веером из шелка и слоновой кости.

На бледном шелке были разбросаны розовые цветы, перевитые тонкими зелеными стеблями.

Феба таращилась на веер, пока изящная вещица не расплылась у нее перед глазами. В ушах звенело. На мгновение – только на одно проклятое мгновение – ей показалось, что пол уходит из-под ног, и она прижалась спиной к стене, чтобы ощутить хотя бы какую-то опору, способную помочь ей удержаться на ногах.

Ну, конечно, маркиз всегда желал самого лучшего. Самого редкого и красивого. Того, что существует в единственном экземпляре. И, говорят, он подыскивает себе супругу.

В письме Лизбет сообщила, что у нее потрясающие новости, которыми она хотела бы поделиться.

Очевидно, ее шок слишком затянулся, потому что Лизбет недоуменно взглянула на маркиза, а потом проследила за его взглядом.

На хорошеньком личике мелькнуло озадаченное выражение, но потом она, должно быть, решила, что маркиз так долго смотрит на Фебу, потому что та выглядит здесь абсолютно неуместно. Она заулыбалась и махнула Фебе рукой, приглашая ее подойти.

Та осталась на месте. Ее ноги будто приросли к полу и не желали двигаться.

Лизбет замахала энергичнее.

И Феба, мало-помалу, преодолела разделяющее их расстояние. Один шаг, потом другой. Она чувствовала себя упрямым быком, которого тянут за веревку, и лишь надеялась, что не выглядит так же.

– Феба, окажи любезность, принеси, пожалуйста, ридикюль. Он наверху, в моей комнате. Мне нужен тот, который лежит на кровати.

«Какого черта?»

Феба недоуменно смотрела на девушку.

А Лизбет на нее. На ее личике было написано только ожидание. Когда же Феба осталась на месте, оно стало недовольным.

Она не прислуга. Ее пригласили не в роли девочки на побегушках. По крайней мере, об этом в письме ничего не было сказано.

Феба заподозрила, что Лизбет это отлично понимала. Она всего лишь демонстрирует свою значимость, свое общественное положение. Или объясняет присутствие Фебы маркизу.

– Я лорд Драйден, – произнес маркиз, когда стало ясно, что Лизбет позабыла о правилах хорошего тона и не намерена представить их друг другу.

Феба присела в реверансе.

– Рада знакомству, милорд. – Собственный голос доходил до нее, словно сквозь стекло. – Похоже, Лизбет необходим ридикюль. Прошу меня извинить.

Она резко повернулась и вышла из гостиной тем же путем, что пришла. Быстро и незаметно.

Для всех, кроме одного человека.

Забавно, но как только мисс Вейл вышла, в комнате стало темнее. Хотя до вечера было еще далеко, и солнечный свет щедро лился сквозь высокие окна.

Джулиан извинился, ничего не объясняя, тепло улыбнулся Лизбет и удалился, пообещав вернуться. Она выглядела прекрасно с подаренным Драйденом веером. Она бы выглядела ничуть не хуже, даже если бы у нее в руке был дикобраз, но Джулиану было приятно, что он сумел выбрать подарок, так подходящий этой леди.

Он осознал, куда идет, только когда завернул за угол и остановился, глядя в спину той, которую почему-то не мог забыть.

Мисс Вейл направлялась к лестнице, но явно не торопилась. Она шла, чуть покачивая бедрами. Его взгляд остановился на них и не мог оторваться, словно это был маятник гипнотизера. Ее серое платье было покрыто бледным узором. Оно являло собой воплощение практичности. Маркиз скользнул взглядом по ее фигуре, представил себе ее ноги, двигающиеся под платьем, подвязки, удерживающие чулки.

Глаза маркиза задержались на изношенном подоле и слабой, очень тонкой белой линии, образовавшейся от частого использования утюга и распарывания швов, чтобы ткань можно было перевернуть на другую сторону и снова сшить.

Эта мысль заставила Джулиана нахмуриться, отвести глаза и задуматься.

Он был сбит с толку. Она учительница. Если она претендует на некоторую родовитость, ее отделяет от благородных предков несколько поколений. В Англии полно таких женщин, живущих на самом краю аристократического общества и на грани нищеты, респектабельных, но только пока им сопутствует хотя бы некое подобие удачи. Да и любая леди ходит, слегка покачивая бедрами, кроме, разве что, его тетки Уиндермир, которая катится по земле, как небольшое ландо, только более пружинисто.

Несмотря на то что ее отправили за ридикюлем с большой поспешностью, как будто она прислуга, мисс Вейл остановилась у окна. Маркиз молча одобрил ее небольшое проявление непокорности. Он не мог себе представить, зачем Лизбет столь срочно понадобился ридикюль.

Несколько минут Феба молча смотрела на аккуратно подстриженные зеленые газоны и размышляла: возможно, если она мысленно процитирует Марка Аврелия, умственное усилие избавит ее от душевных терзаний. Она чувствовала себя дурой. И это ей категорически не нравилось. А ни одна дура не может знать Марка Аврелия, и уж тем более цитировать его в уме.

Стоя в нише у окна, она могла слышать голоса внизу. Но ее никто не слышал. И не видел.

Тут она услышала за спиной шаги.

– Я и не предполагал, что вы тоже приглашены на этот прием.

Она бы узнала этот голос везде – в темноте, в толпе, во сне. И все же, когда Феба медленно повернулась, ее сердце пропустило один удар.

Он пошел за ней. В этом можно было не сомневаться. Терзания моментально ее покинули.

Успокойся, строго приказала она сердцу.

– Я не то чтобы приглашена… – начала она и сразу передумала. – Не думаю, что у меня был повод сказать вам об этом. Я приехала к Лизбет.

– Хм. Думаю, Лизбет уже вышла из возраста, когда ей требуется гувернантка. И, насколько мне известно, никто из Редмондов не посещал вашу школу. Ее матери сейчас здесь нет, и графиня Ардли еще не приехала. Я знаком с мисс Лизбет Редмонд уже два сезона, и…

Графиня Ардли? Это еще кто?

Ах да, Вайолет Редмонд. Вышла замуж за графа.

– Итак, если я не ошибаюсь, вы здесь… нечто вроде платной компаньонки на следующие несколько дней?

Феба слабо улыбнулась.

– В ваших устах это звучит не слишком приятно.

– Я всего лишь хотел заставить вас улыбнуться.

Она попыталась сдержаться. Она не должна смеяться. Она должна принести этот проклятый ридикюль.

– Вы правы. Мать Лизбет сейчас в отъезде, и она хотела, чтобы на это время рядом с дочерью была компаньонка, близкая ей по возрасту. Лизбет пригласила меня. Я когда-то занималась с ней, но тогда она была моложе. Мы подружились… можно так сказать. Насколько я понимаю, моя задача – защищать ее от вас и вам подобных.

Маркизу это понравилось. Его глаза заблестели.

– Значит, вы приманка? Как деревянная утка на пруду?

– Значит ли это, что я вас приманила, лорд Драйден?

Он медленно улыбнулся.

Феба тоже.

Они оба вместе… Да что же это такое? Они поддразнивали друг друга, и это было удивительно и волнующе, и еще очень опасно. А главное, как быстро произошло возгорание!

– Вы же ненамного старше Лизбет, мисс Вейл!

– Вы хотите узнать мой возраст? Но ведь он не всегда измеряется годами. С этим вы не можете не согласиться. Я прошла совсем другую жизненную школу, лучше знаю общепринятые нормы поведения и менее склонна… делать глупости.

– Очень жаль.

Феба постаралась сдержать улыбку, но не сумела.

– Боюсь, все именно так, как я сказала. Я так долго противостояла всяческим глупостям, что это стало моей второй натурой.

Предупреждение. И вызов?

Губы Джулиана снова скривились в смелой озорной улыбке, и у Фебы перехватило дыхание.

– Итак, что же вы делаете в роли платной компаньонки?

Может быть хватит? Феба нервно покосилась в сторону лестницы.

А потом, да поможет ей бог, решила пройти этот путь до конца.

– Пока это не вполне ясно. Я думала, что должна буду горячо говорить приятные вещи, слушать Лизбет и терпеть Джонатана. Ведь мое приглашение сюда – чистая импровизация. Но она послала меня за не нужным ей ридикюлем. Боюсь, что этот прецедент определит мои обязанности на все оставшееся время… Хотя

общение с Лизбет – не обязанность, а удовольствие, – поспешно добавила она. – Девочка очень мила и добра.

– Да, она мила, – согласился маркиз.

Фебе захотелось, чтобы он сказал эти слова не так пламенно.

– Тогда, возможно, вам следовало бы пойти поговорить с ней?

Слишком язвительно. Проклятье.

Маркиза явно развеселило ее раздражение.

– Я уже с ней говорил.

– И вы сказали все, что хотели? Я думала, умение общаться с дамами у наших аристократов в крови.

На красивом лице маркиза промелькнуло сомнение. После короткой паузы он сказал:

– Никто не разговаривает со мной так, как вы.

Феба поняла, что он не шутит. Похоже, они оба были удивлены его искренностью, по крайней мере об этом говорило установившееся на некоторое время молчание.

– Возможно, потому, – задумчиво сказала Феба, – больше никто из ваших знакомых не собирается ехать в Африку надолго, а значит, им не все равно, что вы о них думаете.

– Ах да, я и забыл. Вы же отправляетесь в Африку. Вероятно, привилегия жариться под палящим солнцем весьма дорого стоит, поэтому вы и согласились на дополнительную оплачиваемую работу.

– Вы, как всегда, правы, – радостно заявила она.

– Дело в том, мисс Вейл, что я действительно понимаю принципы работы.

– Возможно, вам стоит перестать беспокоиться относительно концепции работы, лорд Драйден, и заняться тем, что у вас получается лучше всего?

– Что же это, по-вашему, мисс Вейл?

О боже. Она и не подозревала, что взрослый мужчина, маркиз может… ворковать. Его тон вызвал в ее памяти череду ярких образов, в основном неприличных. Такими мыслями ни с кем не поделишься.

– Я стараюсь не думать о том, что связано с вами, – сказала Феба, и услышала в своем голосе чувственную хрипотцу. Проклятье!

– А знаете, о чем я думаю?

– Подозреваю, вы мне вот-вот это скажете.

– Я думаю, что вы постоянно думали обо мне с тех самых пор, как мы с вами обсуждали поцелуй.

В его устах слово «поцелуй» было оружием. Смертельным оружием. Оно пришпилило ее к месту, как булавка бабочку.

– Ничего подобного. – Феба вовсе не думала о нем… иногда.

Судя по улыбке маркиза, он понял, что она лжет.

Феба нервно оглянулась по сторонам и постаралась вернуть себе утраченное самообладание.

И это ей с огромным трудом удалось.

Вероятно, Драйден почувствовал, что она вот-вот сбежит, и сказал единственные слова, которые могли ее остановить.

– Я думал о вас, мисс Вейл.

Она вздохнула.

– Знаете, лорд Драйден, я готова сама дать вам десять фунтов. Даже жалко смотреть, как много усилий вам приходится прикладывать, и все ради одного поцелуя. Позвольте напомнить, мы обсуждали ваше отношение к работе.

Феба была уверена, что маркиз позабавится. А он явно испытал недовольство, даже раздражение.

– Могу поклясться, мисс Вейл, я не принимал пари Уотерберна. Но если он предложит мне его еще раз…

Теперь Феба лишилась присутствия духа. Джулиан подсознательно ощутил это, его интуиции мог бы позавидовать любой. Он повел беседу в другом направлении, не позволив паузе затянуться.

– Знаете, я ведь глава большой семьи: сестры, брат, племянницы, племянники, кузены. Все они в той или иной степени от меня зависят. Это совсем непросто – в таких условиях сохранить рассудок.

Он не смеялся.

Феба не сказала ничего. С места, где она стояла, было видно гостей внизу. Джонатан, вероятно, дразнил Лизбет, потому что она сильно покраснела, и это ее вовсе не украсило.

Маркиз заметил, куда Феба смотрит.

– Веер ей очень подходит, – кратко сказала она.

– Поэтому я его и выбрал.

Феба сама хотела установить между ними безопасную дистанцию. Но почему-то его слова больно задели ее. Нежно-розовые лепестки, грациозность, хрупкость, тонкие стебли, держащие цветы – маркиз подумал обо всем: о характере Лизбет,

ее вкусах и предпочтениях. Она же не знала, каково это, когда тебя обожают, когда перед тобой преклоняются, стараются угадать твои желания.

– Изысканный, розовый и редкий, – с напускной легкостью сказала она.

– Изящный и очень дорогой. – Маркиз улыбнулся. – Ну и все остальное, что вы сказали, конечно, тоже. Разве вам никогда не дарили совершенных подарков, мисс Вейл?

Его тон был мягким, почти добрым, и это привело Фебу в раздражение. На ее взгляд это смахивало на снисходительность. С какой стати она будет получать идеальные подарки, если она – обычная учительница, платная компаньонка?

Она вспомнила лайковые перчатки, сейчас аккуратно завернутые в тонкую бумагу и уложенные среди вещей. Это была ее самая дорогая вещь. По сравнению с ними все остальные предметы ее одежды казались плебейскими. Быть может, из-за этих волшебных перчаток она с такой завистью рассматривала в магазине вещи, которые никак не могла себе позволить на свое жалованье, особенно одну шляпку… Она наденет эти перчатки вечером, и будет чувствовать себя подрывным элементом и ниспровергательницей устоев, учитывая, кто ей их подарил.

Сейчас, стоя перед маркизом, она не могла вызвать в памяти лицо того человека. И перчатки нельзя было считать идеальным подарком. Это была, скорее, прихоть человека, который промелькнул в ее жизни, как падающая звезда, яркая, мимолетная, быстрая, чем выражение истинных чувств.

Тем не менее это были тончайшие, нежнейшие лайковые перчатки. В магазине Постлетуэйта она ни разу не видела ничего похожего. Они ей очень, очень нравились.

– Думаю, все зависит от настроения человека, который делает подарок. Думаю, мне бы хотелось чувствовать, что человек меня… знает.

Внезапно она смутилась.

Маркиз, похоже, был удивлен.

– Знает, – задумчиво повторил он.

– Подарок должен быть предназначен только для меня. Соответствовать моим вкусам и интересам. И он вовсе не обязательно должен быть дорогим. Но это должна быть вещь именно для меня. – Она пожала плечами и почувствовала еще большее смущение. Ерунда все это. Не надо было говорить подобные глупости.

Маркиз выглядел задумчивым.

– Вы считаете, кто-то из нас может по-настоящему знать другого?

– Философия, лорд Драйден. А между тем день клонится вечеру, а все еще трезвы.

Маркиз издал короткий смешок, но не выглядел веселым.

– Знаете, – сказал он, – а ведь я никогда не совершаю опрометчивых, необдуманных поступков.

Феба удивилась. Он казался ошеломленным. А ведь именно это слово газеты употребляли перед его именем, описывая пари, скачки или инвестиции.

Ей хотелось сказать: «А как вы назовете то, что стоите рядом со мной и говорите о поцелуях, пока другая леди наслаждается вашим дорогим подарком?»

– А как же скачки, в которых вы поставили десять тысяч фунтов.

Маркиз фыркнул.

– Я совершенно точно знал, какие лошади быстрее, а какие придут последними. К тому же я доверяю своей интуиции. А вы не думали, мисс Вейл, что сведения, которые публикуют обо мне газеты, могут быть недостоверными? Они пишут о моих разъездах, о том, как я провожу время, и делают выводы на основе недостаточной информации. И эти выводы могут быть ошибочными.

Феба несколько секунд подумала.

– Если все не так, почему вы позволяете, чтобы это продолжалось?

– Пусть общество развлекается. Честно говоря, не вижу необходимости ничего менять. Иногда полезно, когда тебя никто не знает.

– Великодушно с вашей стороны.

Джулиан усмехнулся.

– Скажите еще что-нибудь в этом роде. Это слова настоящей учительницы. Мне нравится.

– Закоренелый, подойдет?

– Странно, но в ваших устах это звучит комплиментом.

– Уверяю вас, я вовсе не желала вам польстить.

– У вас, похоже, талант к учительству. Меня восхитило, как вы справились с юными леди в магазине Постлетуэйта. Жаль, что я не догадался муштровать солдат, служивших под моим началом, с использованием Марка Аврелия.

– Ну, я бы не назвала это талантом. Я умею вкладывать в головы девочкам знания и применять разные стратегии только потому, что сама была когда-то такой. Я знаю, какие меры работают и как заинтересовать их. Так что никакой заслуги тут нет.

– Вы слишком скромны.

– Могу вас заверить, это чистая правда.

– Вам будет их не хватать, когда уедете в Африку?

Феба задумчиво улыбнулась.

– Да, думаю, что да. По крайней мере, какое-то время. Но я работаю учительницей только четыре года. Они меня быстро забудут. Не сомневаюсь: девочки, которых я учила, со временем удачно выйдут замуж и, по всей вероятности, станут хорошими хозяйками. Учительство… оно случилось со мной, вот и все. Но я благодарна за это. Мне нравится.

– Учительство… случилось с вами? – задумчиво повторил Джулиан. Казалось, он хочет запомнить ее слова. – Тем не менее вы обладаете неким врожденным даром. Поверьте, я узнаю подобные вещи, когда их вижу.

– Иными словами, я не изящная или очень дорогая?

Джулиан усмехнулся.

– В этом истинная причина того, что вы хотите бежать так далеко? Чтобы можно было выбирать что хочешь, кем хочешь быть и что делать?

Феба заметно вздрогнула.

– Бежать? – сквозь зубы процедила она. – Далеко?

Джулиан молча поздравил себя с тем, что оказался проницательным.

– Я никогда в жизни ни от кого не убегала, – отчетливо выговорила Феба. – И что, черт возьми, вы имели в виду, говоря об «истинной причине»?

– Я имею в виду только одно: из всех возможностей, которые открыты перед вами, вы выбираете Африку? Не мужа, не семью, а Африку?

– Никогда не говорила, что не хочу мужа. Вспомните, я специально подчеркнула, что встречу по пути многих джентльменов.

– Но вы уверены, что в Англии не найдется ни одного?

– Возможно, и нет.

– Во всей Англии? Ни одного подходящего мужчины?

Феба нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

– Почему вы спрашиваете, лорд Драйден?

– Вы слишком осторожны, мисс Вейл. Почему?

– Потому что, если я буду достаточно долго уклоняться от ответов, надеюсь, вопросы вам наскучат, и вы смените тему.

Джулиан усмехнулся.

– Я умею быть невероятно терпеливым, мисс Вейл, если чего-то хочу.

Феба застыла. Хочу… хочу… хочу… Желание – вот что привело ее сюда, к Редмондам. Она хотела быть здесь, потому что он здесь. Она хотела видеть его, разговаривать с ним.

А чего он хочет от нее? И почему?

– Возможно, – медленно проговорил маркиз, – ваша жизненная история станет подарком для меня.

Тугой холодный узел, внезапно возникший у нее в животе, означал, что ей не нравится направление, которое приняла беседа.

– Что вы, я вовсе не Шехерезада.

Слишком поздно Феба поняла, что сравнение, мягко говоря, не очень удачное, учитывая, что речь идет о мстительном арабском деспоте, который обезглавил три тысячи девственниц, прежде чем нашел одну, Шехерезаду, оказавшуюся настолько талантливой рассказчицей, что он сохранил ей жизнь. Тысячу и еще одну ночь она рассказывала ему истории, после чего старый негодяй все же влюбился в нее и женился, но не раньше, чем она родила троих детей.

– Шехерезада, – задумчиво протянул он, словно пробуя на вкус каждый слог. – Еще одно длинное красивое слово. Вы любите читать, мисс Вейл, не так ли? Даже такие скандальные истории?

Феба вздохнула.

– Это хорошо известная сказка, – которую она сама же запрещала читать младшим воспитанницам в академии.

– Пусть я заинтригован тем, что у вас может быть общего с ее героиней, но все же не намерен требовать, чтобы вы рассказывали мне 1001 историю подряд 1001 ночь. Я хотел бы услышать только одну историю. Историю вашей жизни. Краткую.

Проклятье.

Последнее, о чем ей хотелось бы с ним говорить, это о своей жизни. Феба не хотела видеть, как он меняется в лице во время ее рассказа.

Она напустила на себя скучающий вид.

– Думаю, у вас и без того есть все, что надо.

Маркиз развеселился.

– Речь не идет о том, что мне надо, мисс Вейл. Я этого хочу. А хочу потому, что высоко ценю все уникальное. В этом между мной и старым арабским деспотом есть определенное сходство.

– Но ее истории восхитили царя, который был одержим мыслями об убийстве. Уверяю вас, моя история вполне обыденна.

– Сомневаюсь.

– Какие у вас есть основания для сомнений?

Маркиз замялся. Как будто напряженно размышлял над тем, что собирается сказать и стоит ли говорить вообще. Его взгляд скользнул по собравшимся внизу гостям, но Фебе показалось, что он их не видел. Когда же наконец заговорил, его слова прозвучали для нее сладкой музыкой.

– Потому что она ваша.

Ох!

Феба отвела взгляд. Ей стало трудно дышать и даже пришлось на секунду закрыть глаза, чтобы справиться с неожиданно нахлынувшими эмоциями. Опасный человек. Умеет подобрать нужные слова. Опасный и очень умный. По правде говоря, она никогда никому по-настоящему не принадлежала. Ее жизнь никогда, ни для кого ничего не значила. Поэтому слова маркиза проникли сквозь все укрепления, которые она так старательно возводила вокруг себя, и достигли самого сокровенного – ее желания, которое она давно и надежно спрятала и даже почти забыла о его существовании. Так ей было легче.

В одном она не солгала. Ее история действительно была вполне обыденна… в определенных кругах.

– Но ведь вы пока не дарили подарков мне, лорд Драйден.

Флирт – отличный способ уклониться от ответа на неудобный вопрос. Этот невероятный мужчина пробудил в ней умение флиртовать – как дождь пробуждает к жизни цветы.

На лице маркиза мелькнула удивление, но он тут же улыбнулся.

– Отлично, мисс Вейл. Я – вам, вы – мне. Я подарю вам подарок, но только когда сам получу. Знаете, я недавно понял, что я всегда делаю подарки, но почти никогда их не получаю. Ну, что вы скажете на это?

Его слова показались Фебе странными, но потом она поняла. Скорее всего, люди считали, что у него есть абсолютно все, чего только можно желать. Кроме того, общеизвестной, пожалуй, даже легендарной была привередливость Драйдена. Вероятно, все опасались его реакции – надменно-удивленной гримасы и слегка

приподнятых бровей. «Это? Вы намерены подарить это мне?»

Она взглянула на Лизбет. Теперь та разговаривала с лордом Аргоси, ставшим, если верить слухам, настоящим повесой, склонным к безрассудным пари, которые он, в отличие от маркиза, как правило, проигрывал, и интрижкам со скандально известными особами. Всему виной, опять же, если слухи верны, была знаменитая мисс Синтия Брайтли, которая якобы разбила ему сердце, выйдя замуж за Редмонда. Феба не могла не заметить, что, несмотря на тоску, которую он тщательно изображал, на самом деле, он был всем доволен. Аргоси вовсе не выглядел как человек, махнувший на себя рукой и пустившийся во все тяжкие. Его золотистые волосы были пышными и шелковистыми, глаза блестели.

Но в сравнении с маркизом он выглядел каким-то… незавершенным, что ли… Мальчик, притворяющийся повесой. Рядом с Лизбет он выглядел, если можно так выразиться, частью комплекта. Так серебряный столовый набор для завтрака – чайник и вазочка для джема, разные маленькие ложечки и вилочки – все гармонировало, подходило друг к другу. С точки зрения Фебы – человека, который ни с чем не гармонировал и никому не подходил, – они были разными, но в то же время, очень похожими.

Феба понимала, что обладает определенной притягательностью для маркиза, во всяком случае, пока его что-то в ней привлекает.

– Я родилась в Лондоне, – сообщила она.

Драйден повернул к ней голову.

Она сделала вид, что не замечает его заинтересованности, скользя взглядом по толпе гостей.

– Что же дальше? – не выдержал он.

– Если мы с вами будем общаться 1001 день, лорд Драйден, вероятно, вы услышите оставшуюся часть истории.

Она развернулась, одарила собеседника чарующей улыбкой и побежала к лестнице.

Последнее, что она увидела – весьма приятное выражение откровенного удивленного восхищения на его красивом лице.

Она поднялась по лестнице и была вынуждена остановиться на площадке, почувствовав, что силы ее покинули. Феба прижала руку к груди и почувствовала, как сильно бьется сердце. Ее охватил жар, напомнив, что она, в сущности, играет с огнем. Жаль, что у нее нет веера.

Веер, естественно, напомнил ей о Лизбет.

По иронии судьбы средство оказалось эффективным, охладив ее тело и мысли.

И она отправилась дальше за проклятым ридикюлем Лизбет. Лестница показалась ей необычайно длинной.

Глава 7

Ужин тем вечером был необыкновенно вкусным… и одиноким. Фебе отвели место на дальнем конце стола рядом с почти глухим престарелым джентльменом, который считал своим долгом периодически говорить ей любезности, вынуждая ее выкрикивать слова благодарности, постоянно обращая на себя внимание гостей. А Лизбет и маркиз сидели рядышком на противоположном конце стола. Всякий раз, когда он что-то говорил ей, Феба чувствовала острую боль.

Они часто встречались взглядами. Много раз. Феба считала.

Всякий раз, когда она замечала, что маркиз смотрит ей прямо в глаза, она первой отводила взгляд.

Из осторожности, гордости и чувства самосохранения.

Позднее, тем же вечером, Феба пробралась в свою комнату, открыла альбом и попыталась рисовать. Теперь в рисунке появилось больше деталей. К примеру, она изобразила маленький белый шрам в уголке рта.

В конце концов, маркиз получился у нее величественным и очень угрюмым, что было неверно. Драйден был другим, но, каким именно, она никак не могла уловить, поскольку он все время был недосягаем – как за ужином, так и после него. С большим неудовольствием Феба убрала альбом, легла на кровать и уставилась в потолок.

Она очнулась утром и обнаружила, что уснула полностью одетой – давно она себе не позволяла ничего подобного.

Весь день шел дождь.

Нет, с неба не текла сплошным потоком вода. Это был скучный, моросящий дождик, который грозил затянуться на много дней. Очень скоро Феба поняла, что это означает ее заключение в одной из многочисленных хорошо натопленных гостиных дома Редмондов, сопровождаемое бесконечной болтовней с Лизбет. Все остальные гости разбрелись кто куда. Вероятно, мужчины, по крайней мере молодые, отправились в «Свинью и свисток», чтобы выпить и побросать дротики. Маркиз ненадолго появился за завтраком, после чего удалился вместе с Джосайей Редмондом, чтобы обсудить какие-то вопросы.

Фаншетта Редмонд на некоторое время присоединилась в Фебе и Лизбет, принеся с собой в гостиную вышивание и холодное высокомерие. Она вышила несколько цветочков, посмотрела на каминные часы и удалилась – к немалому облегчению Фебы. Кажется, Лизбет тоже почувствовала себя свободнее. Пока тетушка Редмонд оставалась в комнате, Лизбет почти не раскрывала рта. Многие считали, что Фаншетта обычная скучная женщина – учитывая ее холодность и немногословность. И даже собственные дети относились к ней с пренебрежением. Но Феба всегда чувствовала себя в ее присутствии скованно. Даже в церкви, где Фаншетта Редмонд сидела довольно далеко от нее. Феба подозревала, что за пустотой и пресностью может таиться сильная натура.

– Сегодня вечером будет много музыки! – Глаза Лизбет сверкали от возбуждения. – Дядя Джосайя обещал сюрприз.

О боже! Фебе нравилось музицировать, она обладала хорошей техникой, но не талантом. Зато Лизбет, которая, как ей казалось, научилась играть на фортепиано раньше, чем ходить, вкладывала в свою игру душу и вызывала

всеобщее восхищение. Поэтому ничего хорошего для себя от музыкального вечера Феба не ждала.

Лизбет правильно истолковала ее молчаливое недовольство.

– Не волнуйся, тебя, скорее всего, не попросят сыграть. Но ты можешь переворачивать нотные страницы для меня. Уж меня-то определенно попросят. Если будет время. Сегодня съедутся соседи со всей округи. Дядя Джосайя пригласил мадам Софию Ликари, знаменитую певицу сопрано. Она будет петь для нас.

Девушка восторженно захлопала в ладоши и заулыбалась.

Феба, конечно, слышала о синьоре Ликари. Точнее, читала о ней в газетах.

– Она на самом деле хорошая певица?

– О чем ты говоришь, Феба! – ахнула Лизбет. – Неужели ты ее не слышала?

Вопрос был по большому счету нелепым. Но Феба ответила:

– Нет.

– У нее чудесный… волшебный голос. И еще она потрясающе красива, надменна и немного пугает. – Лизбет понизила голос: – Говорят, у нее есть любовники.

– Никогда не произноси этого слова! И даже думать не смей, что взрослая незамужняя женщина может иметь любовников!

– Это скандал, я знаю, но она так великолепна и настолько прекрасно поет, что никому до этого нет дела.

«Может быть, мне стоит заняться пением», – подумала Феба.

– Думаю, в первую очередь мужчинам.

– Феба! – Лизбет притворилась шокированной. Вероятно, она решила, что в создавшейся ситуации должна вести себя именно так, но на самом деле Феба подозревала, что никто и никогда не разговаривал с Лизбет о подобных вещах, и теперь она сгорала от любопытства.

Последовала короткая пауза.

– Ты думаешь, маркиз занимается такими делами? Я имею в виду Джулиана!

В гостиную зашли Джонатан, Уотерберн и Аргоси и расположились на диванчике у камина. Горничным повезет, если они не явились только что с улицы и не натащили оттуда грязи.

Феба ощутила непреодолимое желание поозорничать.

– Какими делами? – Значит, он уже не маркиз, не лорд Драйден, а просто Джулиан?

Она вовсе не собиралась обсуждать с Лизбет маркиза и его любовниц. Конечно же нет. В конце концов, Лизбет умеет читать и могла узнать из газет все, что ее интересует. Феба решила, что могла бы даже дать ей свою собственную подшивку, где все интересное отмечено.

– Сама знаешь. – В газетах всегда писали, что у маркиза фантастические любовницы. Один из молодых денди даже свалился с балкона в опере и сломал ногу, когда пытался рассмотреть последнюю пассию маркиза.

– Ты знаешь… как ты думаешь, он… – Лизбет округлила глаза и со значением посмотрела на собеседницу.

– Боюсь, я не совсем тебя понимаю, – нахмурилась Феба, изо всех сил стараясь не рассмеяться.

Глаза Лизбет стали круглыми, словно блюдца. Иметь дело с этой девочкой все же иногда полезно. Для тренировки самообладания.

– Берет любовниц, – раздраженно выпалила Лизбет, к сожалению, чуть громче, чем следовало. Потому что мужчины дружно повернули головы и взглянули на нее.

Феба нахмурилась.

– Куда он их берет?

Лизбет побагровела.

– Теперь ты меня дразнишь? – Судя по голосу, она была искренне обижена. Лизбет, как правило, все понимала буквально и слишком всерьез. Она ничего не могла знать о поддразнивании, поскольку это было несовместимо с ее статусом Бриллианта чистой воды.

Это означало, что Джонатану нравилось ее дразнить, поскольку Феба уже успела заметить, что, разговаривая с ним, девушка постоянно краснеет и временами взвизгивает. Что касается Фебы, то ей это не нравилось, поскольку Лизбет не могла отвечать, а она предпочитала разговор на равных. Если это, конечно, возможно.

– Уверена, у него есть любовницы. Они есть у всех мужчин, Лизбет.

Конечно, так оно и было. Это была чистая правда. Но не та правда, которую должна была сообщать своей подопечной платная компаньонка. Феба могла признаться, что ее побуждения при этом были весьма далеки от добрых и чистых. Пусть Лизбет проведет эту ночь без сна, ворочаясь и мучаясь догадками, подумала она.

Лизбет некоторое время сосредоточенно размышляла. В конце концов, она, похоже, приняла эту истину достаточно спокойно. Что же делать? Мужчинам позволено многое, что женщины молча терпят, даже если с этим не согласны.

– Разумеется, он не станет делать ничего подобного, когда женится, – проговорила Лизбет.

Феба не вполне поняла, была ли эта фраза вопросом. И закатила глаза. Почему эта девочка выросла такой невежественной? А ведь у нее было немало возможностей узнать, что представляют собой мужчины. Чего стоит один из ее кузенов – Джонатан, а другой, Майлс Редмонд, написал книгу о своих приключениях в Южных морях, в которой, как известно, во всех подробностях описал любвеобильных туземок, которые ничем не прикрывают свое тело выше талии.

Но Феба была вынуждена напомнить себе, что задавая вопросы, Лизбет получает информацию.

– Даже не сомневайся, – сказала она, мысленно усмехаясь. – Зачем ему может понадобиться любовница, если у него будет жена? – Говоря это, она отчетливо понимала, что лжет.

Это успокоило Лизбет.

– Все бы хотели, чтобы мы поженились, – сказала она, понизив голос.

Феба перестала вышивать, поскольку уколола палец.

Не все.

– А чего хочешь ты, Лизбет?

Что же это такое! Между ними разница в возрасте всего два года. Она, Феба, тоже молода. И она вовсе не должна разговаривать успокаивающим покровительственным тоном, словно она гувернантка или та, которой мужчины и вопросы пола вообще неинтересны. Но, увы, в душе она симпатизировала Лизбет, и не могла позволить даже самой себе ранить ее.

Феба несколько секунд обдумывала идею все же содрать с Лизбет кожу или отхлестать ее – словами, конечно, но передумала.

Чего хочет Лизбет? Знает ли она это? И хочет ли знать? Или просто стремится воплотить в жизнь амбиции своей влиятельной семьи? Или маркиза?

– Думаю… – Лизбет откинула голову и улыбнулась. – Выйти замуж за него – предел мечтаний любой девушки. Он такой… такой…

Она замолчала.

Ну да. Он такой…

– …милый.

Господи, нет! Неужели она совершенно не разбирается в мужчинах?

Феба непроизвольно фыркнула, и сразу закашлялась. Но скрыть эмоции не удалось. Лизбет уставилась на нее с тревогой и любопытством. Боже правый, она никогда не позволяла себе подобной неловкости! Она никогда не фыркала! И даже не предполагала, что знает, как это делается!

Возможно, маркиз действительно был милым с Лизбет, относился к ней с уважением и добротой, деликатно, как и должно относиться к хорошо воспитанной высокородной невесте… или дорогой китайской вазе.

А с другими женщинами флиртовал и занимался любовью.

– Он производит очень сильное впечатление. Самая завидная добыча во всем Лондоне.

– Да, он производит сильное впечатление. – Но добыча? Он же не дичь!

Вероятно, Лизбет почувствовала неладное.

Она перестала вышивать и подняла глаза на собеседницу.

– …то есть насколько я могу об этом судить. – Что ж, по крайней мере, она не сказала ничего крамольного и не солгала.

– И все знают, что он довольствуется только самым лучшим.

Довольствуется. Разве лучшим довольствуются? К лучшему можно стремиться.

– Поэтому ты им восхищаешься, Лизбет?

На красивом ее личике отразилось искреннее недоумение.

– А ты не думаешь, что поэтому он восхищается мной?

Понятно. Девочка не сомневается, что она – самое лучшее, чего маркиз может желать.

Она явно считает, что Феба совершенно не разбирается в ситуации.

После ужина, еще одного, за которым Феба сидела на дальнем конце стола и была вынуждена прислушиваться к веселому смеху, доносившемуся до нее оттуда, где сидели маркиз с Лизбет, а ее престарелый сосед мирно дремал, склонив голову на грудь, дамы и господа, как это принято в обществе, разошлись по разным помещениям. Надо же им было передохнуть от компании друг друга. Через некоторое время они снова собрались в малом бальном зале, где были рядами расставлены стулья – не меньше ста, и уже начали собираться гости. Это были представители местной аристократии, жители Лондона, решившие совершить путешествие в деревню, и друзья владельцев поместья. Приглашенные возбужденно переговаривались. На Фебе было одно из двух ее приличных платьев из серого шелка, без каких либо рюшей и оборок. Его единственным украшением служила серебряная лента под грудью. И, конечно, она надела свои замечательные перчатки. Ей очень нравилось думать, что именно перчатки поднимают ее платье до уровня, сравнимого с одеждой других светских гостей.

В маленьком зале было душно и жарко. Хотя во всем доме было тепло, по крайней мере, по сравнению с температурой, к которой Феба привыкла в академии мисс Мариетт Эндикотт.

Маркиз, за ужином опять сидевший рядом с Лизбет, но казавшийся необычайно рассеянным, куда-то запропал. Не появился он даже после того, как остальные мужчины заняли места в зале.

Лизбет тоже заметила его отсутствие. Она размахивала проклятым веером, как будто хотела поднять ураган, способный принести его к ней. Или она таким образом напоминала себе, что это его подарок. Девушка вежливо улыбалась гостям, с некоторыми обменивалась несколькими словами, но явно беспокоилась все больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/dzhuliya-long/ocharovatelnaya-skromnica/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tellnovel.com/dzhuliya-long/ocharovatelnaya-skromnica-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити